

МАКС ОСТРОГИН

INFERNO

здравствуй, брат, умри

Макс Острогин
Здравствуй, брат, умри
Серия «Inferno», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2452735
Здравствуй, брат, умри: Эксмо; М.:; 2011
ISBN 978-5-699-51504-2

Аннотация

В 2023 году международная арктическая экспедиция, действующая в районе базы «Руаль», достигла линзы подледного озера «Восток 18». В пробах воды был обнаружен ретровирус. При случайном контакте с атмосферой он перешел в активное состояние. Несмотря на принятые меры, сдержать его распространение не удалось. Население Земли, а также орбитальных станций и планетарных колоний почти полностью вымерло...

Алекс единственный оставшийся человек. Но однажды он замечает, что на планете больше не один. Кто-то разворовывает примеченные им магазины и квартиры, хозяйничает в его лесах, убивает его животных. И, кажется, начал охоту на него самого.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	66
Глава 5	80
Глава 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Макс Острогин

Здравствуй, брат, умри

Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже и в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, – значительно менее разборчив, чем любая обезьяна.

Герберт Уэллс «Машина Времени»

Глава 1

Волк убрался

– А Наф-Наф был таким хитрожопистым поросенком, он не стал домик из соломы строить, не стал. И из веток домик не стал строить, и из глины, пошел он в город и наковырял из стен красных кирпичей. А между кирпичей все-таки глину проложил. И домик получился крепкий. Когда пришел Волк, Наф-Наф кинул в него кочергой – и в лобяру сразу. Волк рассвирепел и стал дуть в дверь. Легкие у Волка были сильнейшие, но все-таки не как самолетная турбина, дверь не пошелохнулась даже. Разозлился Волк, стал в дверь лбом стучать. С разбега. Но домик был стойким, он выдержал, двери выдержали, а у Волка, наоборот, лоб чуть по шву не треснул. Тогда Волк уже очень разозлился и полез на крышу, а с крыши уже в трубу ввинтился, эквилибрист сплошной. Но Наф-Наф был как всегда готов, развел снизу огонь и поставил котел с кипящим маслом. Волк упал в котел, обжарился слегка и очень громко закричал. Затем выскочил в окно, сразу из котла – и в окно, убежал и больше никогда-никогда не прибежал, шкура с него обваливалась клочками. И Наф-Наф, Нуф-Нуф и Ниф-Ниф жили долго и счастливо...

Долго и счастливо.

Я так и рассказываю. Не совсем гладко. То есть иногда

гладко, а иногда так – туда сюда, как оно получится. Я все-таки по-правильному так и не научился, нет навыка разговора. Только я начал немножко научиться говорить по-правильному, как все и оборвалось. Вспоминаю еще много по пути. Но ничего ведь не поделаешь. Я на самом деле вспоминаю в самых разных местах, будто выскакивает откуда-то все... Каша у меня в голове, мне Хромой и раньше об этом говорил. Ну да, Ниф и Наф жили долго и счастливо, а сейчас свиней и нет почти, кабаны, да и тех редко встретишь...

Я поднял голову Волка и кинул ее в смолу. В асфальт. Асфальт был холодным, голова влипла, постояла, подумала будто и стала медленно погружаться. Очень-очень медленно, Волк еще долго смотрел на меня желтыми и уже равнодушными глазами. Потом совсем утонул, одно ухо торчало чуть дольше. Поверху деревьев шуганул ветер, и Волка засыпало желтыми листьями, и стакан стал похож на осеннюю лесную полянку, аккуратную и мирную, аккуратную и мирную.

Когда я кинул в смолу Хромого, он тоже долго проваливался. Очень долго. Уже даже стало темнеть, а он все проваливался и проваливался, ссутулившись, как большая черная цапля. Пришлось мне взять березку и его немного подтолкнуть для скорости. Тогда тоже была осень, поздняя уже, асфальтовая смола вязкая. Зато получилось торжественно. Хромой погружался, уходил в черноту и смотрел на меня серебряными денежками – их ему я вставил в глазницы на распор: на одной написано «25», на другой «50». Хромой

опустится до дна стакана, после этого пройдет сорок дней, и он из стакана пошагает по лестнице на небо, где уже будет его ждать Петр со связкой ключей. Хромой отдаст ему деньги, и Петр откроет скрипучие ржавые ворота. Кто такой этот Петр?

И вообще, конечно, никуда Хромой не пойдет, так и проторчит тысячу лет в стакане в этом, хотя в книжках некоторых и пишут, что так все оно и происходит – человек помирает – и по лестнице на небо, к облачным воротам. Это называется суевериями, я читал. Вера в то, чего на самом деле нет.

Да, если бы я Хромого тогда не подтолкнул, то он долго бы еще проваливался, дня два, наверное.

А на Волка у меня даже монет не нашлось настоящих. Вставил от патронных гильз доньшки, получилось как-то несерьезно и весело, пришлось выковырнуть. А закрывать глаза не стал, не знаю почему, такой экспонат получился.

Зато Волка подталкивать не пришлось.

– И они жили долго и счастливо, – сказал я, когда было уже совсем все.

Это его любимая сказка. Про Наф-Нафа и его братьев. Любимая сказка Волка.

Теперь у меня волка нет. Это плохо. Без волка жить трудно, без волка ты как дикий делаешься. Если ты заболеешь, кто тебе еду станет носить? Кто ночью посторожит? Придется на деревьях ночевать, это неменяемо вообще – утром

спускаешься, шея заклинена, а в уши клещей по килограмму забралось, а от них в голове менингит, нет, точно дико.

Не, без волка плохо. Будет плохо.

Да и так уже все плохо. Уже давно все плохо. Хромой говорил, что жизнь – это лестница. Или вниз летишь так, что ребра трещат, или вверх карабкаешься, так что двадцать семь кишок выскакивает. Ничего хорошего, ничего приятного. Как у Дарвина в книжке – естественный отбор, выживает тот, у кого длиннее зубы и толще шкура, я самого Дарвина не читал, но про него читал. Правда, тоже всю книжку так и не одолел, съедена оказалась, но Хромой про лестницу зря все-таки говорил – накаркал себе лестницу.

И мне заодно.

Сейчас у меня вот вниз. Качусь по ступенькам, подпрыгиваю, как бильярдный шарик, стучаюсь лбом – бум, бум, бум, шишки сводить не успеваю, жаб не хватает. На самом деле, очень на лестницу походит. И ступеньки, то есть неудачи, следуют одна за одной, никак не могут остановиться. Видимо, крепко зацепил Невезенье. Горе-Злосчастье, оно бородастое, Кручина зеленая, ну ее.

Вот взять последние мои дни. Питался ведь я одними рыжиками. Рыжиками, лисичками, боровиками и даже черными подземными грибами – их Волк отыскивал очень легко. Вообще осень выдалась жирная, сытая, перепела так и прыгали из-под ног, кабарга скакала, утки крякали, всякой дичи вообще полно, мы с Волком пробирались через леса к югу

и не делали никаких запасов: зачем было запасаться, когда вокруг всего-всего? Даже охотиться не надо – с вечера ставь силки, а утром готово – или кролик, или перепел, быстренько на углях испек – и дальше, а о рыбалке я вообще позабыл уже. Волк, правда, уже тогда не ел совсем, заяц его прицапнул, а после этого есть не особенно хочется, я-то знаю.

А потом совершенно вдруг мы вошли в какую-то странную пустоту. Лес как лес, не изменился, деревья росли, только исчезли все. И вокруг никого, только какая-то жуткая тишина, даже птицы куда-то делись, короедами подавились, что ли...

Я никак это обстоятельство не мог объяснить, так, предполагал только разное. Ну, к примеру, животные могли уйти из-за диких. Дикое мясо не жрут, но жить рядом с ними никто не захочет, они вонючие и беспокойные, хуже обезьян.

Или из-за стихийного бедствия. Я читал, что многие животные очень хорошо предчувствуют разные опасные события. Пожары, ураганы, извержения вулканов и даже настоящие цунами, звери предвосхищают их издали. Цунами еще только через месяц собирается, а акулы всякие, электрические скаты и прилипалы уже всюду налаживаются подальше, в отмели, в ил зарываются.

Это, кстати, и по Волку виднелось, хотя он и не скат, а все предчувствовал. Вот, устроимся на ночевку, огонь запалим, заварим чагу со смородиновыми почками, и уже расслабление такое, и уже все в порядке, и книжку открываешь,

«Исландскую новеллу» или «Очищение организма переки-сью водорода», полный консилиум, одним словом, экстра, лежи себе, радуйся жизни. И вдруг Волк как начнет возить-ся! Как начнет переключиваться, блох выкусывать, чесаться, подвывать и в небо поглядывать так тоскливо-тоскливо, так грустно-грустно, что самому страшно становится. Понимаю я, что не нравится Волку эта ночевка, не хочется ему тут задерживаться, словно на ежах он весь, словно стрекоза ему в легкие залетела.

Ну и собираемся, в путь идем.

Отхлынем на километр, устроимся заново, и что же ты думаешь – в эту же ночь в место старой стоянки ударит звезда, и такая яма образуется, что хоть землянку ставь!

Нет, они чувят, у всех животных на опасность чутье, пожар еще через неделю случится, а дичь уже загодя разбегается, и нет разницы, в воде они живут или по суше перепрыгивают. Если бы у меня имелась такая чувствительность, я бы вообще жил просто здорово. Я бы даже дожди обходил, мне дожди очень не нравятся, землетрясения разные. Землетрясений, правда, на моей памяти не тряслось, и для цунами не было никакой почвы – до ближайшего моря полгода пути, вулканическая активность никак себя не проявляла, а лесные пожары, конечно, случались. Только летом. Летом, когда жара и грозы. Молния ударит – и горит. Лесу много, есть чему гореть.

Волк, кстати, и тогда тоже беспокоился, только я никак

это беспокойство не мог распознать. Что-то его маяло... Не предчувствие смерти, нет, звери смерти не знают... Но чего-то он боялся.

Да и самому мне в этом лесу пустом было неуютно. С другой стороны, обходить его тоже не хотелось, ноги не стеклопластиковые, короче, нырнули мы с Волком в эту мертвечину, и скоро есть стало нечего. Хорошо хоть грибов много тут водилось. И даже не просто много, а очень много, шагаешь по лесу, и только шляпки под ногами похрустывают. Грибной год.

Грибами я и питался. Я-то ничего, я и на рыжиках могу, а Волку туго без энергии пришлось, ребра быстро стали просвечиваться. У меня ребра тоже просвечиваются, но мне это хорошо, мне жиреть нельзя. А Волку мутно без мяса, он же волк, хищник, убийца почти.

Да и язва от зайца у него разболелась, стала красной, гладкой и блестящей. Такой блестящей, что даже смотреться можно при боковом свете. Я пробовал его лечить, плевал на рану, землей присыпал и крестики царапал – все как Хромой учил, да только не помогало это, рана краснела и краснела, стала как ягоды. Тут уже ничем не поможешь: укусил заяц – дней десять надо, а то и двадцать, чтобы зажило. И отлежаться хорошо. Меня прошлой весной укусили – я неделю как жидкий ходил, заяц зверь на редкость дрянной и безнравственный, ему палец в зоб не клади.

Заяц укусил, Волк заболел. Стал вялым и медленным, из-

за этого все и получилось. Да, если бы его тогда заяц не укусил, все по-другому случилось бы, я в этом просто уверен. Я думал, что удастся перетерпеть, но не удалось. Надо было поворачивать сразу, как только мертвый лес пошел, но я решил, что это ненадолго. День, два, и живность появится...

Но она не появилась даже через пять дней. Зверье куда-то откочевало, даже белки и те не трещали. Волк вообще стал уже толщиной с собственный хвост, лапами так еле-еле перебирал, даже загремели они у него, и слюна густая пошла, желтоватая. Мы шагали по лесу, в лесу все не так было – деревья с иголками, а я люблю, когда с листьями, березы-осины, а не елки-палки, мох под ногами, а мне нравится, когда травка, и дальше тоже. Мы шагали-шагали, и вдруг Волк остановился. Надо было понять, что что-то не так, но не понял я... Отупоумел с голодухи, дисфункция мозга, экстракция. Волк зашевелил носом, в глазах у него закрутилась желтизна, и он сделал шаг.

– Спокойно, Волк, – сказал я, – стоять...

Волк остановился. Пригнул голову, и нюхал воздух над землей, и уши положил на спину.

– Спокойно, Волк...

Нос у Волка задергался вполне особым образом, так он дергался только на диких.

Диких мне только не хватало!

Я присел, положил руку на его хребет, почувствовал, как он дрожит, пополз пальцами к ошейнику.

Но Волк не утерпел, сорвался, побежал.

– Стоять! – прошипел я.

Но было уже, конечно, поздно.

Волк скрылся между можжевельновыми кустами, исчез совсем. Волки – они всегда исчезают, вот есть – и тут же нет, такая порода у них.

Волк ушел.

Я кинулся за ним, но остановился почти сразу, башка заработала все-таки. Я чувствовал – не все тут в порядке... Дикие, дикие, зачем мне дикие, мне сейчас с дикими встречаться совсем ненужно...

Тявкнул Волк. Коротко, сразу же замолчал, будто пасть ему заткнули, сломали челюсти. Понятно.

Понятно. Так, понятно все...

Я опустил на мох. Некстати как все это, почему не потом, почему не через месяц... Вытащил из-за спины арбалет, вложил стрелу. И сразу же стал целиться. Только целиться было некуда – впереди один низенький можжевельник, ягодки так блестят синими боками, скушать хочется.

Волк тявкнул еще раз.

Волк попался, точно. Но еще жив, жив, поэтому я поднялся и пошел к нему. Медленно, тут нельзя было спешить. Потому что впереди была опасность. Настоящая. Смертельная.

Других ведь и не бывает.

Я смотрел. Смотрел вперед – и сразу по сторонам, как учил Хромой. Чтобы видеть все, каждый листок, каждую па-

утинку.

Я дышал носом. Как можно глубже. Чтобы слышать.

И ртом дышал, чтобы воздух проходил через язык – это тоже хороший способ.

Слушал. Мог бы и не слушать: дикие – они бесшумные, бесшумнее волков даже. Ничего не слышно, ничего не видно, только деревья, и все. Птичка чирикнула бы, что ли, птички не любят диких, дикий проходит, а птичка обязательно квакнет, не удержится, птичка друг...

Кровь. Я услышал. Это была кровь, кровь ни с чем не спутать. Сладкий, сладкий запах. Я сместился вправо, прижался плечом к дереву. Лиственница. Из нее раньше строили корабли или бани, что-то строили. Ждал, считал удары сердца.

Сердце работало не так. Через запин. У меня с детства сердце запинатое, это нестрашно, я читал в книжке про сердечные болезни, экстрасистола называется, в пятьдесят лет меня начнет мучить легкая одышка...

Лучше бы оно все-таки не запиналось, я так со счета сбиваюсь, а до пятидесяти ведь еще дожить.

Дикие. Скорее всего, это все-таки дикие. Устроили на меня засаду. Я их немного поубивал в начале лета, с тех пор они на меня обижаются. Мне кажется, они месть задумали. Тогда понятно, почему в этом лесу никого, всех разогнали, ни одно животное, даже енот вонючий, не станет жить рядом с дикими...

Я их не боюсь. Дикие, я вас не боюсь. Я человек, я не бо-

юсь. Страха нет.

Страха нет. Все страшное уже случилось, впереди не может быть ничего страшного. Страха нет. Сердце, сердце мое успокоится.

Я достал еще одну стрелу, зажал ее зубами, поднялся, вышагнул из-за дерева. Никого. Дикие поодиночке не нападают, сразу стаей. Если стаей, то убежать тяжело.

Диких не было. Прячутся, отлично прячутся, они сами цвета такой лесной грязи, косматые еще, а в космах такие веточки застревают, листья прелые, шишки, мох прорастает, можешь стоять вблизи, а ничего не замечать. Ну, только по вони его можно определить, воняют они ужасно...

– Волк! – позвал я.

Можжевельники шевельнулись. Я прицелился.

Страха... нет, книга «Домашние настойки», там такой способ можжевельниковой: возьмите чистую бутылку, на треть насыпьте ее можжевельниковыми ягодами, доверху залейте подготовленной водкой...

Вот что такое водка, кто бы знал, где ее взять...

Волк. Показался Волк. Как только я увидел его, так сразу понял, что все кончено. Он катился. Полз. У Волка не было передней правой лапы, а другая лапа была сломана и вывернута. Волк не выживет. Если бы они были только сломаны... Я бы смог его выходить. Волк уже ломал лапу, мы тогда выжили, с трудом, но мы выжили. Сейчас нет, все, кончено...

Волк подполз ко мне. Проскулил.

– Все в порядке, – сказал я. – Все хорошо. Жди здесь.

Волк пискнул. Здоровый зверь, а пищит. Понимает, наверное, что все...

– Я скоро вернусь.

По следу шагать легко, на сером мхе кровь хорошо видна. И запах. Запах становился сильнее. Тоже кровь. Я начал считать шаги.

– Страха нет. Страха нет. Страха нет.

Древнее заклинание, каждое «страха нет» равно одному мгновению, а мгновение – это полторы полновесных секунды...

Тридцать шагов. Лес вокруг. Лес, только лес. Дикие могут прыгнуть, они как звери ведь...

Я остановился. Дальше нет смысла, я ничего не вижу, только лес, можжевельник, можжевельник.

Я почувствовал: букашки побежали по спине. Такие вообще букашки, по спине, по рукам, по шее, бегом, бегом, бегом...

Кто-то есть тут. В лесу передо мной кто-то был. Был, это точно, букашки перебрались внутрь организма. Все дикие. У меня на диких всегда такие букашки.

Сейчас.

Никто не показывался. Только лес кругом... И дикие. Они оторвали лапу Волку. Только они, дикие, так могут. Они ненавидят волков, убивают их при любой возможности. Да и волки тоже жрут диких, как кабаргу. За обе щеки, как сказал

бы Хромой. В сыром виде, безо всякой тепловой обработки, какие у волков щеки – непонятно... Если сейчас выпрыгнут двое – я успею выстрелить только раз. Дикие – быстрые, надо приготовить огнестрел...

Огнестрел не пойдет, я же разрядил его, дурак, берег пружину, дурак...

Сейчас они выскочат.

Деревья. Тишина, ветер поверху. Видел каждую иголочку, каждую синюю ягоду, все увидел, все как-то натянулось...

Справа движение, я повернулся, куст с ягодами шевельнулся, я выстрелил. Стрела растворилась в зелени.

Ничего. Ветер.

Ничего.

Не попал. А может, наоборот, может, наоборот – я его прикончил, удачно так, в печень угодил. Или в горло. Не в голову, головы у диких крепкие, если попадешь в голову, только отскочит... А если в горло, то сразу...

Я стал отступать. Левой рукой достал нож. Если дикий сейчас выскочит, никакой нож, конечно, не поможет... Саблю я потерял.

Надо найти новую саблю. И нового волка, теперь мне понадобится новый волк...

Медленно, шаг за шагом, стараясь слушать. Стараясь нюхать. Кровь. И иголки...

Запах. Вернее, вонь. Так и есть, дикие, теперь уж точно. Дикие воняют страшно, хуже всякого зверья. Вонючие тва-

ри. Наверное, одиночка тут. Дикий на прогулке. И я его уложил. Удачно так, с первого раза. В горло. Если бы я в пузо ему вlepил, ну, или еще неудачно как, то он бы вопил, как крыса... Мертвый дикий воняет в два раза хуже дикого живого, это мне еще Хромой говорил...

Хорошо бы посмотреть все-таки. Скальп ему ободрать. Хромой всегда, когда убивал дикого, снимал скальп. А потом вешал в лесу, возле нашего дома. Он считал, что скальпы отпугивают других диких. По мне, так это было совсем не так, мне самому казалось, что эти скальпы их только злят... Но с Хромым спорить было бесполезно, твердый был человек, ни сантиметра не уступал.

Нет, скальп подождет. Их все-таки может быть много...

Я вернулся к Волку.

Волк лежал под деревом. Крови уже не было, у волков быстро сворачивается, это одно из волчьих достоинств. Кому нужен волк без лапы? Волк без лапы самому себе не нужен.

Я спрятал арбалет за спину, наклонился, поднял Волка, завалил его на плечи. Тяжелый. Остались одни кости, а тяжелый. У волков вся сила в костях и в жилах. И в ногах. Поэтому даже если волк худеет, он все равно остается тяжелый.

Волк снова заскулил, ему было больно. Я набрал воздуха и побежал.

Иногда переходил на шаг, потом снова бежал. Шаггал по ручьям, тут их много, ручьев, путал след. Дикие пойдут за мной, я в этом не сомневался. Почему-то они не напали в

лесу, не знаю, испугались чего-то. Не напали – и хорошо. Но по следу пойдут.

Ручьи слились в небольшую речку, речка вывела меня к мосту. К эстакаде. Повезло, дорога. Твердая, резиновый асфальт – это тоже хорошо, на твердой дороге след держится слабо, и тут много старых запахов, это собьёт диких. Жаль, что долго по дороге бежать нельзя, испортишь ноги и спину, сорвешь сухожилия. Поэтому через некоторое время я свернул. И опять бежал по лесу. Потом остановился, опустил Волка на землю. Надо было отдохнуть, проветрить кровь, я устал.

Волк дышал. Тяжело, но ровно, без пузырей. Внутренности в порядке. Позапрошлый Волк совсем не так умирал, хуже. Он был старый, его еще Хромой воспитал, до меня, того Волка тоже дикие убили. И его Хромой тоже домой принес. Они тогда пошли за рыбой, но вместо рыбы Хромой принес сломанного Волка. Тот хрипел, изо рта у него текло красное и зеленое, а лапы дергались не переставая – дерг-дерг-дерг, как у эпилептиков. И это дерганье почти целый день продолжалось, без перерыва. Хромой смотрел на это, а потом взял длинную стальную иглу и быстро воткнул Волку в сердце.

А я вот своего Волка домой не смог принести, у нас дома нет.

Я отдыхал до тех пор, пока не почувствовал, что ноги перестали дрожать. Диких не было. Я их не слышал. И Волк не слышал, хотя их не услышишь, я говорил...

Хотелось еще посидеть, я ослаб все-таки на рыжиках, рыжики только желудок заполняют, а силы никакой не дают, не энергетическая пища. Вроде есть после них не хочется, сытый, а мышцы разжижаются, а сухожилия... Для сухожилий нужно есть мясо. И много спать, вот сейчас бы поспать...

Хватит отдыхать.

Я взвалил Волка на плечи. Брюхо теплое, пока жив. Колени опять задрожали. Плохо. Вообще мы вдвоем могли долго идти, целый день, от рассвета до темноты. А так...

Ладно, нечего. Я выдохнул и побежал. На этот раз меня надолго не хватило, солнце начало краснеть, а я уже не бежал, я уже шагал. Я устал. Очень.

Не знаю, зачем я бежал, Волк все равно должен был умереть.

Без Волка я бы оторвался от диких, с ним это вряд ли получится. Я не знаю, зачем я его тащил.

Тащил.

К сумеркам я добрался до города. В этом городе я не был еще, я вообще не люблю города и не очень хорошо их запоминаю, но сейчас город был кстати – дикие не любят город еще больше, чем я. Не переносят его просто.

Сил у меня уже совсем не осталось, я выбрал высокий дом на окраине и забрался в него. Надо было карабкаться вверх. Чем выше, тем лучше, по лестнице. Я очень не люблю лестницы, у меня от них кружится голова. Но делать нечего, безопасно более-менее только на последних этажах.

Ступени уходили в темноту, следовало поспешить, скоро станет совсем темно.

Волк заволновался. Стал смотреть вверх, рычать, и шерсть у него зашевелилась. Не знаю, может, лемуры... Кто еще там будет жить? Лемуры – это ничего, они пугливые, я их разгоню... Главное, чтобы не много их там было...

Я положил Волка на бетон.

– Я скоро, – сказал. – Посмотрю. Там лемуры, ты же знаешь, они это... Если накинутся... Я их сейчас разгоню и быстро вернусь. Не бойся.

Я снял арбалет и пошлепал вверх. Огнестрел по пути заряжал.

Дом был очень высокий, я сначала считал ступени, потом, конечно, сбился и начал считать заново. Хромой меня всегда учил, что надо считать. Это очень помогает сосредоточиться. Я считал, считал, потом добрался до конца лестницы и почувствовал запах. Звериный. Но не лемурий. Другой.

Я огляделся. Дверей не было. Одна, которая ведет на крышу. И...

Оно выскочило, я даже не заметил откуда, точно просочилось сквозь стены, через вентиляцию. Большое, я таких раньше не видел. Не напало, мягко плюхнулось черной каплей, остановилось передо мной, забурчало и выставило желтоватые зубы. Морда круглая, пушистая. Усы большие, даже очень большие.

Мы смотрели друг на друга, я знал, что надо смотреть в

глаза, ни одно животное не может выдержать взгляд – ни кабан, ни волк. Даже дикий и тот не может выдержать мой взгляд. Потому что я человек. Но этот кругломордый попался упорный, смотрел и смотрел, глаза пульсировали, он не отворачивался, но и прыгать тоже не торопился. Наверное, у него там детеныши прятались, поэтому он так себя и вел. А может, просто умный был.

Я тоже умный. Думал, что лемуры, но теперь вижу, что не лемуры. Леопард. Не ягуар, леопард, ягуары, как поленья, такие приземистые, косолапые, тяжелые, как из железа – это сразу видно. Я бы лучше с двумя леопардами бы схватился, чем с одним ягуаром. Хорошо, что не ягуар. Еще лучше, что не лигр – это вообще смерть с хвостом, а иногда без хвоста, какой попадетсЯ, лучше бы вообще не попадался...

Леопард. Всего лишь.

Не знаю, сколько бы мы так стояли, но вдруг этот леопард будто сплющился как-то и в размерах уменьшился, уши прижались к голове, как тогда у Волка, и вообще шерсть вся опустилась и заблестела. Глаза были круглые раньше, а тут сошлись в щелочки. Я даже подумал, что он меня испугался, как вдруг понял, что это не так.

Волк завизжал. И я кинулся вниз. Уже не считал ступени. Бежал, перепрыгивал, бежал. Волк визжал все сильнее, сильнее, потом замолчал. Я слетел на первый этаж, но там Волка уже не было, только лужа растекалась. И голова его возле стены валялась. Зрачки еще суживались. А больше ни-

чего, кроме головы. Ничего.

Букашки. Те же букашки, я почувствовал их снова. И запах. Тот же, что и в лесу. Дикие. Вонь их эта поганая, ядовитая, все уже этой вонью было заполнено, я увяз в ней, как в болоте.

Один дикий так не мог вонять. Значит, их тут много. Если по-умному, то надо было просто бежать. Бежать. Если много диких – надо бежать, так мне всегда говорил Хромой. Бежать быстро и далеко.

Я не побежал. Достал нож. Достал бутылку с горючим. Последнюю, кстати. И зажигалку. И сделал несколько шагов.

Что за вонь, нет, почему они так все время воняют, не могут не вонять, что ли...

– Вонючки! – позвал я. – Вонючки, вы где?

Вонь колыхнулась, там, в конце коридора, кто-то шевельнулся.

– Вонючки, я вас убью, – сказал я.

Не сказал, а сообщил. Спокойно. Ровным голосом. Я вообще не чувствовал ярости. В книжках пишут, что в такие минуты надо испытывать ярость. А я не испытывал. Они убили Волка, теперь я убью их. Вот и все. Просто. Ненависть еще говорят... пишут то есть. Я тоже не знаю, что это такое. Вот когда так сильно воняет – это да, тяжело, это, наверное, похоже на ненависть. Или когда тебя пытаются сожрать – тоже похоже. И то... Ни ярости, ни ненависти я не знаю.

Страшно еще вот бывает.

– Я вас убью, – сообщил я.

Не видно их, но они тут, я знаю. И не поняли они ничего, но мне все равно, я человек.

Взболтнул бутылку, щелкнул зажигалкой, поджег. Швырнул в коридор, так, чтобы ударилась с силой об пол. Пух! По бетону пополз голубой огонь, вспыхнуло, стало светло на мгновение, в разные стороны метнулись темные фигуры. Дикие. Привет.

Это их задержит, подпалит им шерсть. Я поднял голову Волка, она была еще теплой. Спрятал голову в рюкзак.

– Не ходите за мной, вонючки, – сказал я. – Поубиваю совсем.

После чего поспешил обратно, наверх.

От леопарда остался только запах, он убрался, животные не переносят, когда поблизости люди, они нас боятся, меня то есть, я человек.

– Вонючки! – крикнул я в лестничный пролет. – Вонючки, я тут! Сюда давайте!

Внизу был огонь. Но они проберутся как-нибудь через огонь, дикие пронырливы.

Дверь на крышу. Я толкнул ее плечом, не закрыто, выскочил на воздух.

Крыша была пуста. Оглянулся. Дверь крепкая. Тяжелая. Засов есть. Привалил дверь обратно, задвинул засов. Подбежал к краю крыши. Поглядел вниз. Высоко, не спуститься никак. Осмотрел остальное вокруг. Там. На противополож-

ной стороне. Дом. Такой же. Почти впритык. Рядом. Можно перепрыгнуть.

Бух. В запертую дверь ударили.

Дикие.

Я набрал воздух, выдохнул. На счет «десять».

На десять. Раз, два, три, четыре, пять...

Глава 2

Минус пять

Скоро.

Скоро рейд.

Уже почти месяц, как мы перешли на рацион «В». Вместо пяти капсул все получают четыре. Четыре капсулы – это тоже ничего, жить можно. Вот если три, то с жизнью возникают сложности – голова кружится и руки дрожат. А если голова начинает кружиться и руки начинают дрожать, на драге работать уже нельзя, не допустят по технике безопасности – под гусеницы затянет, потом по отвалам кусочков не собрать. А если не будешь работать, переведут вообще на три капсулы как иждивенца. С трех капсул уже не руки, уже под коленками дрожит и не очень весело. Посиди-ка четыре месяца на трех капсулах, станешь как смерть! От трех месяцев на трех капсулах даже загар начинает рассасываться.

И депрессия. Невесело, одним словом.

Вообще, четыре капсулы означают только одно – скоро рейд. Очень скоро, возможно через месяц, а может, даже через две недели – если повезет.

Рейд. Я уже взрослый человек, мне уже пятьдесят два локальных, я уже могу участвовать. Вполне. Я подхожу. По всем параметрам. Здоровье у меня нормальное, сердце мощ-

ное, я невысокий. Это тоже очень важно, рост то есть. Рослых ребят в рейд не берут, только низеньких. Низким легче адаптироваться. Мне вот повезло, я низкий, в отца, в деда. И могу ходить в рейды.

Рейд – это самое лучшее. Люди годами сидят по норам, а это нелегко очень. Особенно для старых. Если тебе двести лет, тяжело ощущать сорок метров железа над головой, тяжело находиться в помещении, в котором можно только стоять или лежать, а ходить уже нельзя, сразу в стены упруешься. А я вот, наоборот, как раз только такие помещения и люблю, чтобы места поменьше, чтобы шевелиться негде было, чтобы тепло. А многие мучаются. А я не мучаюсь: мне что мало места, что много – все равно.

Внизу плохо, на поверхности тоже несладко. Неделя на поверхности – это наказание сущее, я-то знаю, чуть зазевался, и все – и солнечная болезнь, янтарный поцелуй. А ее лечить – одна мука, у меня два раза была. Уколы в глаза, пот, тошнит все время, и в зрачках все время солнце, солнце, солнце, и в голове солнце. А чешутся глаза как – руки приходится за спиной связывать. А один парень вообще себе глаз по глупости вычесал. Так что поверхность – это для суровых ребят с толстой шкурой и крепкими нервами.

Да и вообще жить у нас тяжело. Привыкаешь, но тяжело. Так что рейда ждут все. А я особенно жду, я ведь никогда еще не ходил. Никуда не ходил, ни по горизонтали, ни по вертикали. Я вообще дальше чем на пять километров от базы

не удалялся. Да дальше и некуда тут удаляться, вокруг распадки, ущелья и каньоны и трещины, гиблые места, столько людей там полегло. А Лабиринт? Чтобы пройти через него, надо экспедицию организовывать настоящую! С танками. С генераторами. Железную дорогу тянуть надо. Так что горизонтالي закрыты, у нас никто по горизонталям особо и не ходит, если не считать Постоянную Экспедицию, но это особая тема.

Ну а вниз иногда еще можно прогуляться, по вертикали, по старым пещерам, – это да. Но туда особо далеко не продвинешься, там совершенно жарко и радиация неконтролируемая и вообще как-то страшно... Говорят, там духи есть. Вернее, дух. Каменная Мать. Человек идет, прислоняется к стене, прилипает, а стена эта потом начинает впитывать его прямо через комбинезон. Потом идут искать, находят комбинезон, а человека в нем нет. Взял будто и ушел. Страшная вещь. Тогда говорят, что Каменная Мать взяла человека в свое войско. А еще говорят, что можно Каменную Мать задобрить, надо просто знать особые слова или стихи, и если тебе повезет и скажешь ты нужные слова, Мать покажет тебе Родник.

Это, конечно, легенда. Ну, не про Мать, в Мать я еще могу как-то поверить, такое вполне может случиться, в Родник вот не могу. Не могу.

Хотя слухи возникают – то тут, то там вроде бы кто-то что-то видел, вроде бы кто-то шагал по заброшенной пеще-

ре, подцепил ногой камень, и из-под него побежала водичка. Или нашли мертвого человека в одной из дальних пещер, а в кармане комбинезона у него была карта, и эта якобы карта указывала на Родник.

Нет никакого Родника, не может этого быть. Какой Родник здесь, у нас?

Ерунда. Но люди верят.

А есть еще черные молнии. Некоторые считают, что они тоже духи, но это предрассудки – никакие это не духи, просто шаровые молнии, но почему-то черного цвета. После молний от человека даже комбинезона не остается, одни расплавленные клапаны.

А есть...

Я могу много порассказать, раньше со мной на драге старый Ризз работал, так он эти истории выдавал без перерыва. Стоило ему только чуть зацепиться, как он начинал болтать и не останавливался, пока не засыпал. Про рейды тоже много рассказывал, он знатный рейдер был в свое время. Как они с моим отцом вместе ходили, как интересно было, как он своей дочке привез мультфильмов целую коробку... Я, кстати, эти мультфильмы видел – очень хорошие, красивые, не царепанские, картинка отличная, все бегают.

Еще Ризз все время жалел, что его больше в рейд не возьмут, он уже немолодой дядечка, ему, наверное, уже под триста, из него уже порода толченая сыплется. Но в глазах огонь такой, энтузиазм бурлит, как плазма на солнце, интересный

старик. Больше Ризза мне только отец про рейды рассказывал, правда, несколько не так, как Ризз. Ризз все в таких восторженных красках передавал, а отец, наоборот, про всякие лишения, про опасности, про героизм. Я стал мечтать о рейде тогда, когда научился ходить. Мечтал, как пойду в рейд, как там все будет, как я прославолюсь, как потом мне поручат командовать четверкой, а потом, может быть, и самим рейдом, но это не скоро, а скоро я стану охотником...

Мечтал, как любой нормальный мальчишка у нас мечтает. И поэтому, когда урезали паек до четырех капсул, я понял, что надо готовиться.

Я представлял момент, когда мне сообщат, что я имею право отправиться в рейд. Отец подойдет и будет долго говорить о вещах, совсем к рейду не относящихся. О выработке, о проблемах на обогатительной фабрике, о том, что солнечная активность медленно, но растет и надо увеличивать толщину купола, о трубах, об опреснителях и конденсаторах, еще о тысяче разных вещей, которые надо починить, наладить, перемонтировать и о которых можно беседовать бесконечно. Я буду слушать с озабоченным видом, кивать в нужных местах, что-то советовать...

А потом отец как бы между делом скажет, что через пять дней рейд и я в списках. И тут важно не уронить себя. Не завопить от радости, не подпрыгнуть, важно принять это спокойно и с достоинством.

Я постараюсь. Кивну тоже как бы между делом, а по-

том изложу отцу свои идеи по усовершенствованию работы опреснителя. Мы поговорим и разойдемся.

И я продолжу подготовку.

Хотя готовиться особенно нечего, я готов уже давно, как всякий нормальный парень. Я могу проснуться среди ночи, погрузиться в корабль и отправиться в рейд. Хоть сейчас. Я смогу...

Я разволновался. Я стал представлять. Я видел переход, видел рейд, видел все в мельчайших подробностях, видел себя и своих товарищей, видел возвращение и как нас будут встречать, как засияют гордостью глаза матери, как Эн улыбнется, а я подарю ей...

Что подарить? Что? Вообще надо приподнести что-то очень интересное, это считается хорошим тоном. Обычно все стараются привезти драгоценности, то есть украшения разные. Отец когда-то привез матери браслет из настоящего золота. Я думаю тоже что-нибудь такое подарить. Браслет. Или цепочку с камнями. А еще неплохо шкатулку. В шкатулку можно много интересных вещей положить. Да, шкатулка – это неплохо. И мультфильмы привезти. А вдруг мы все-таки с Эн поженимся? Конечно, не сейчас, лет через двадцать, тогда нам мультфильмы пригодятся...

Я вдруг подумал, что к тому моменту я успею уже в несколько рейдов сходить. Ну, еще в один точно. И смогу привезти еще что-нибудь из украшений, ну, если повезет. И смогу подарить Эн не только шкатулку, но еще и цепочку...

Да, и книжки! У нас ведь наверняка будут дети. И Эн будет показывать им мультфильмы, мультфильмами нужно запасаться. После Большого Пожара у нас анимации почти не осталось, очень много сгорело, почти вся коллекция. Так что теперь из рейдов почти все тянут мультфильмы. Ну, если язык подходит – некоторые мультфильмы ведь на таких языках сделаны, что у нас даже самый умный – Ванделер – не может перевести, а он уж человек знающий.

Эн любит мульты смотреть. Я тоже люблю. Отец нет, мультфильмы он не одобряет, а чтение наоборот, он у нас редкий. А Эн вообще кружок мультфильмолюбителей ведет, девчонки собираются по вечерам, обмениваются носителями, разговаривают, обсуждают, просматривают совместно. Я как-то пошел, но после драги было тяжело понимать, я уснул, захрапел. Эн на меня обиделась и с тех пор на заседания мультфильмолюбов не приглашала.

Тогда я со зла записался в кружок книголюбов. Я книги тоже люблю, но по-своему, не такие, где читать надо, а где лучше смотреть, иллюстрированные. Но в кружке мне нравилось, туда ходили люди уже постарше, и многие тоже засыпали, не я один был такой. Там в конце комнаты были даже такие кресла предусмотрены для тех, кто засыпает. Мне там нравилось. И полезно, и атмосфера такая спокойная, сначала про книги слушаешь, потом спишь, и все интеллигентно – никто тебя не будит, можешь спать хоть до следующего утра.

Я вспомнил про книги, включил светильничек, достал из-

под койки свою любимую. Толстая, на хорошей бумаге, отец давно ее еще привез. Раньше на книге были толстые блестящие обложки, но их из-за экономии веса отец оторвал еще в рейде. Книга была иллюстрированным путеводителем, в нем рассказывалось и показывалось про разные земли. Места были такие красивые и такие необычные, что в это даже верилось с трудом, трудно было представить, что может существовать столько простора, столько пространства, заполненного воздухом, столько всего.

Особенно мне нравились водопады. Там имелся целый раздел про водопады, с цветными фотографиями. Были представлены самые красивые и самые большие водопады. Что-то фантастическое! Наверное, одна минута жизни даже самого маленького из этих водопадов могла обеспечить нас водой на целый год. Когда я глядел на это ужасающее изобилие, у меня начинала кружиться голова, мне хотелось почему-то петь, хотелось прыгать, какая-то невесомость на меня наваливалась... Вот после таких книг и в Родник начнешь верить.

Вообще, книги – редкость. Отец рассказывал, что когда на планете начались неприятности, кто-то выпустил в воздух особые бактерии, питающиеся бумагой, и бактерии съели большую часть книг. Так что книг мало осталось, но они еще встречаются. И ценятся. Я очень хотел в рейд. Вот Ризз, он говорил, что видел водопады вживую. А отец мой не видел, он в другие места ходил.

Очень часто за просмотром путеводителя я засыпал, и мне снились сны про воду. У нас многие такие сны видят. Про воду, про еду. Некоторых они мучают чуть ли не до потери рассудка, приходится выписывать специальные уколы. Генетическая память – молодые ни дикой воды, ни нормальной еды не видели, а во снах этого много. Только потрогать ничего нельзя, не дается. Но у меня сны редкие и приятные, так что не хочется даже просыпаться. В этот раз мне водопады не снились, мне снился космос, утомительный сон, из моих любимых.

Утром было все как обычно. Проснулся. Пошевелился.

Первым делом капсулы. Это правило. Капсулы надо принимать регулярно, если не делать так, то желудок начинает работать плохо, капсулы не усваиваются и идет омерзительная отрыжка, живот пучит... Я не люблю капсулы, у нас их вообще мало кто любит, однако альтернативы капсулам нет.

Вообще, есть секрет, ну, как питаться капсулами. С помощью пуговицы. Средство надежное, надо просто привыкнуть.

Я достал из-под ворота шнурок с круглой серебряной пуговицей. Пуговицу подарил мне отец, уже давно подарил, и пользоваться научил. Надо забросить пуговицу на язык и пососать ее минуты три. Во-первых, микробы перемерут, во-вторых, рот очень скоро наполнится слюной. Она смягчит глотку, и капсулы проскочат легко.

Это на самом деле так. Я пожевал пуговицу, выделил над-

лежащее количество слюны, после чего проглотил капсулы. Запил глоточком воды, подождал. Сделал пятнадцать приседаний для того, чтобы капсулы начали усваиваться. Выпил еще. Вода воняла железом и была кисловата на вкус, я этого не замечал, но знал, что она такая. Когда люди возвращаются из рейдов, они нашу воду не могут пить, с некоторыми даже дегидратация происходит. Потом, конечно, привыкают.

Отец говорит, что настоящая вода совершенно безвкусная. Он привозил мне и матери ее попробовать в бутылке, но я так и не понял, в чем ее преимущества – после перехода вода пахла пластиком и была похожа на нашу обычную.

До выхода оставалось двадцать минут, я лег на койку и поставил носитель. Мультфильмы. Про бобров. Бобры были какими-то дурачками, суетились, дрались и бегали туда-сюда, вряд ли настоящие бобры себя так ведут. Я этот носитель уже четыре раза смотрел, и все равно мне нравилось. Обмену сегодня у Бугера, у него есть мультфильмы про медведей, про них я еще не видел. Хотя я заметил, что многие мультфильмы придуманы по одним и тем же схемам – все куда-то несутся и лупят друг друга по головам, наверное, это такие мультфильмовые традиции.

Конечно, вместо мультфильмов надо бы зарядку сделать, но лень мне сегодня было. Я вообще от родителей недавно отсоединился, четыре месяца только, живу теперь в одиночестве, а поэтому немножечко расслабился. Когда я с родителями обитал, отец каждый день заставлял меня заряд-

ку исполнять, зарядка полезна – это во-первых, а во-вторых, зарядка просто необходимая вещь в процессе подготовки к рейду. Конечно, мы не голыми туда полезем, в комбинезонах, но все равно сердце должно адаптироваться, укрепиться как следует. Потому что если сердце слабое, оно взорвется в первые же минуты по прибытии, такие случаи бывали.

У меня сердце крепкое, отец следил за этим, проверял меня чуть ли не каждый год, так что со здоровьем у меня все как нарочно.

Со здоровьем в порядке, и я немного ленюсь. Зарядку делаю через раз. Смотрю мультфильмы. Особенно...

Под потолком замигала лампочка. Желтая. Пора. Я рывком выскочил из койки, влез в комбинезон, пожелал сам себе удачи и уже через час шагал по узкому железному коридору к ангару, в котором стояли драги. Навстречу вяло спешила ночная смена, от нее пахло маслом и кислым потом, люди пошатывались и меня то и дело цепляли, так что пока я добрался до своего ангара, у меня ребра разболелись от их толчков, а голова разболелась от их усталости.

В ангаре меня уже поджидал жизнерадостный Бугер.

Бугер работал на соседней драге, он мне вроде как приятель. Младше на полтора года, а такой рослый, крепкий. Умный тоже. И активный. Мне изо всех наших Бугер больше всего нравится, ничего Бугер парень, ну, во время отдыха поговорить там или после работы на верхние уровни сбегать... Ну, или даже на нижние. Бугер отлично пещерные

грибы ищет. Правда, их можно только совсем молодые есть, если они пару дней простоят, то уже набираются активности, и лучше к ним даже не подходить, а молодые ничего, вкусные, особенно если их солью еще натереть и на секунду под настоящее солнце выставить.

Бугер увидел, что я вошел, и поспешил ко мне.

– Говорят, скоро уходим! – прошептал он. – Скоро! Со-
всем скоро рейд! Может даже в этом месяце! Ты представ-
ляешь? Рейд!

Я поглядел на Бугера равнодушно и спросил:

– Тебя что, опять сновидения мучили? Ты бы с этим по-
осторожнее, Бугер, со сновидениями. Знаешь, они до добра
не доводят...

– Какие сновидения? Никаких сновидений, все верно, все
на самом деле. Морозильники пусты, мне говорил Капали-
дис...

– Молчал бы ты, Бугер, – перебил я. – Ты же знаешь, что
бывает за распространение сплетен. Запрут на два года в По-
стоянную Экспедицию, вернешься домой без кожи. И без ро-
жи!

– А это не сплетни никакие! – тут же ответил Бугер. – Ка-
кие сплетни, это же понятно каждому здравомыслящему че-
ловеку! Последний рейд когда был? Почти десять лет про-
шло...

– И откуда Капалидис знает про морозильники, он же сей-
смолог? – опять перебил я.

– Сейсмолог, – подтверждающее кивнул Бугер. – Горный удар помнишь? Около месяца назад?

– Ну, помню, и что?

– В морозильниках трещина появилась, Капалидиса вызвали оценить – пойдет трещина дальше или нет. Ну, трещина неопасная, бетоном можно залить, а вот стеллажи почти пусты... Нет ничего.

Появился Ризз. Бугер замолчал. Ризз был человек надежный вообще-то, не стукач, но кто его знает? Он мог нам завидовать вполне – его-то самого в рейд больше никогда не возьмут, а у нас все рейды впереди. Мог из вредности донести... И вообще, перед рейдом надо вести себя осторожно. Все напряжены, озлоблены как-то, так и рады подраться. Подерешься – и на месяц в Постоянную Экспедицию, разведывать полезные ископаемые. И никакого рейда тогда точно не увидишь. И придется еще десять лет ждать.

– Есть такие мультфильмы, которые не короткие, – громко сказал Бугер. – Они длинные, и в них рассказываются настоящие большие истории.

– Ерунда, – так же громко возразил я. – Нет никаких больших мультфильмов, это все сказочки.

Слыхивал я такие истории. Про большие мультфильмы. Говорили, что таких даже много есть, и все про разное там рассказывается. Про животных есть, про игрушки ожившие, даже про каких-то доисторических ящеров, которые скакали, когда еще никаких людей не было. Но никто пока поче-

му-то таких мультфильмов не находил.

– Ризз, как ты думаешь, есть длинные мультфильмы? – спросил я.

Ризз угрюмо помотал головой, почесал башку, с презрительным видом прошествовал к драгам.

– Дурак ты, Бугер, – вздохнул я. – Мелешь всякую чушь. Вообще, история про длинные мультфильмы в списке опасных сплетен. Ты в курсе?

Бугер промолчал.

– Ты бы еще про фильмы рассказал!

– Я видел один такой, – вдруг выдал Бугер. – Фильм. Не мультфильм, а именно фильм.

Я огляделся. Вот за истории про фильмы точно можно угодить в Постоянную Экспедицию. История про фильмы не в списке опасных сплетен, она в списке запрещенных сплетен. А этот дурачок Бугер мелет разное... Нет, совсем мозгов нет у парня, а умный вроде бы... Хотя это можно понять, его одна мать воспитывала, а без отца расти сложно.

– Ты чего городишь?! – прошептал я. – Совсем свихнулся, что ли?

– Я видел такой, – повторил Бугер.

– Заткнись, Бугер! Заткнись немедленно!

Бугер кивнул.

– Может, за грибами сходим, а? – предложил он. – После работы?

– Нет уж, – отказался я, – лучше потом, когда вернемся.

Не хочется по пещерам лазить, можно ногу сломать, а я сейчас не хочу.

– Верно, – согласился Бугер. – Со сломанной ногой в рейд не возьмут. Я лучше тогда отосплюсь. Если возьмут, там ведь не поспишь...

– Я, если меня возьмут, буду мульты искать, – сообщил мне Бугер. – Мульты, книжки и конфеты. Знаешь, Ризз рассказывал, что там есть такие места, где конфеты лежат целыми кучами и по-много. Найдешь и можешь конфетами хоть обожраться.

– Конфеты надо сдавать, – напомнил я.

– Нет, это понятно, что их надо сдавать, я буду их сдавать. Но ведь и самому их тоже можно есть. Все едят. И привозить немного можно...

– Можно, – согласился я. – Но если у корабля будет перегруз, как ты думаешь, что выкинут – тебя или конфеты? Я думаю, что не конфеты...

Выкинут не конфеты, конечно. И не Бугера, конечно. Выкинут мультфильмы. Мне совсем не хотелось, чтобы выкинули мультфильмы.

– Выкинут не конфеты, – сказал я. – Совсем не конфеты.

Но Бугер предпочел не услышать это мое замечание, продолжил мечтать:

– А есть такие места, в которых конфеты в расплавленном виде. В таких чанах, вроде больших кастрюль. Ты можешь представить огромный чан с конфетами?! Плохо только, что

эти чаны встречаются ужасно редко. На пять рейдов один чан. Но все-таки встречаются. Вот что я буду искать! Конфетные чаны...

– Будешь искать то, что прикажут искать, – разочаровал его я. – Например, гвозди.

– Гвозди? Зачем нам гвозди? Куда ты собираешься эти гвозди заколачивать?

Я хотел сказать, что собираюсь заколачивать гвозди в его деревянную башку, но не стал. Побоялся накаркать. Скажешь, что гвозди придется собирать, – и тебя на самом деле на гвозди пошлют. Вот в прошлый рейд была группа, которая заготавливала дерево. А в этот рейд возьмут и отправят собирать гвозди. Чтобы вбивать их в дерево. Делать табуретки.

Нет, гвозди – это не то, что мечтаешь искать в первом рейде, совсем не то.

– И вообще, Бугер, тебя вряд ли возьмут, – сказал я.

– Почему это?

– Ты дылда. Слишком высокий. Высоких в рейды не берут, в рейд идут только коротышки.

– Я не высокий совсем, – возразил Бугер. – Я тебя всего на чуть повыше.

Он встал со мной рядом. Выше меня почти на голову. Нет, конечно, по большому счету Бугер тоже невысокий. Но надо же его позлить. Испортить настроение.

– Вот видишь, – сказал я, – а ты говоришь невысокий. На

две головы меня выше. В прошлый раз Межакса не взяли, а он тебя пониже.

– У него сердце больное. А я здоровый.

– Здоровый... Вообще, хватит болтать, Бугер, – сказал я. – Давай работать.

– Давай, – закивал Бугер. – Работать должен каждый, кто не работает, тот не получает пищевые капсулы.

– Это точно, – сказал я.

И мы стали работать. И в этом не было ничего интересного. А вечером того дня мать подарила мне свитер! Тогда-то я окончательно понял, что рейд состоится. И что меня возьмут. Возьмут! Всем, кто первый раз идет в рейд, дарят свитер. Такая традиция. И вещь полезная, в рейде бывает холодно. Вообще-то, там всегда холодно, гораздо холодней, чем у нас. Поэтому одеваться следует тепло, а свитер самая лучшая одежда. Настоящий, шерстяной, из горных коз планеты.

Мать молча подарила свитер и, так ничего и не сказав, ушла. Она вообще не любит разговаривать, в этом они с отцом похожи. А может, мать просто волновалась. Когда отец уходил в рейды, она всегда волновалась. Я знаю, она даже просилась как-то вместе с ним в рейд, но ее, конечно, не пустили. Потому что рейд – это не прогулка, это занятие для мужчин. Да даже и мужчины рейд переносят плохо. Насколько я знаю, женщины ходили в рейд всего лишь один раз, и ничем хорошим это не закончилось. Из пятерых не вернулась ни одна. Необъяснимо стремительный остеопороз, перелом-

мы костей, переломы позвоночника, кровоизлияния, прогрессирующий тромбофлебит...

Рейд – это рейд, опасное дело, не место для женщин.

Мать ушла, а я сидел на койке в свитере. Жарко.

А потом заглянул отец. Настроен серьезно, по очкам видно. Когда отец намечает серьезную беседу, он всегда надевает очки. Чтобы не было заметно, как он волнуется, очки у него плохо проницаемые. У нас тут у всех очки солнцезащитные, но у отца очки тройные, по особому заказу сделанные, а между линзами залита горная смола.

Отец уселся на раскладушку и сказал сразу, безо всяких предисловий:

– Через пять дней уходим. Плюс минус.

Жаль. Жаль, что все получилось не так, как я придумывал. Не очень торжественно.

– Через пять каких дней? – спросил я. – Локальных или...

– Или. Сегодня объявили о рейде. Значит, все, кто идут в рейд, переходят на время рейда, так что привыкай. Помнишь, как надо?

– Умножать на четыре, – тут же ответил я. – Наш день – четыре рейдовых.

В рейде время идет дольше. Потому что планета обращается вокруг Солнца в четыре раза дольше, чем наш мир. Если бы я жил на планете, мне бы было тринадцать тамошних лет, смешно даже...

– Твой приятель тоже идет, кстати, – сказал отец.

– Бугер?

Отец кивнул.

– Постараюсь, чтобы вы попали в один экипаж, – сказал он.

Спасибо. Я хотел поблагодарить отца, но удержался – отец не любил такого. Поэтому я просто кивнул.

– А почему...

Я хотел спросить, почему не предупредили как обычно, за месяц, а еще лучше за два, чтобы все успели как следует подготовиться и настроиться, чтобы все было правильно.

– Активность, – отец указал пальцем в потолок. – Активность повысилась, пятна на Солнце дрейфуют. К тому же скоро осень, а осень – это самый удачный период...

Осень. Там осень.

– Решено идти сейчас, – сказал отец. – Благоприятное расположение, сэкономим топливо...

– Да у нас гелия – под ногами валяется! Полно!

Это точно. После Лучистого Озера нам даже обогащать ничего не надо – просто собирай, прессуй в брикеты да на склады складывай. Гелия хватит на тысячи лет – сокровища солнечного ветра, дармовая энергия. Чего экономить? Лучше бы вместо гелия была вода...

Родник.

– Так и раньше думали, – сказал отец, – что всего полно... Ошибались. Да и неважно это, разговоры все. Решено, что идем сейчас. Без вопросов.

– Да мне только и лучше, – сказал я.

Мне на самом деле лучше. От драги я уже устал, не просто устал, смотреть на нее не могу. И руки болят, и все болит.

– Сейчас расстояние гораздо меньше. – Отец показал пальцами. – Почти в два раза. Так что мы сможем пробыть чуть дольше, сделать больше запасов... Чем больше запасов, тем лучше, сам знаешь. Да и воды надо взять...

– Да, – кивнул я. – Вода – это хорошо...

Отец стал еще серьезнее, чем обычно, затем торжественно произнес:

– Ты готов. Ты сможешь выдержать. Пойдешь в семнадцатой группе, там Хитч главный.

Хитч. Известная личность. Отличный поисковик, удачливый. Отец, наверное, постарался.

– Я смогу что-нибудь привезти? – негромко спросил я.

– Ты имеешь в виду вещь? – так же негромко спросил в ответ отец.

Я кивнул.

– Сможешь, – ответил отец. – Каждый может взять одну небольшую вещь. Только ознакомься со списком запрещенных предметов. Предварительно.

– Да я и так...

– Ознакомься. Сам знаешь, если притащишь что лишнее, в следующий рейд могут и не выпустить. В этом мало приятного, торчать тут безвылазно. Поверь мне...

Я верил. Когда-то давно, когда отец был еще молодым, он

привез запрещенную вещь и был отлучен на три рейда. Он даже вызвался с горя в Постоянную Поверхностную Экспедицию и целый год не вылезал из танка, тогда как раз проверяли идею насчет воды, один ученый предположил, что на планете есть вода. Не Родник. Вроде как серьезные поиски... Сейчас мы, конечно, знаем, что это бред, как и Родник, но тогда многие верили. Постоянная Экспедиция буравила поверхность в тридцатикилометровом секторе, каждый второй то и дело валялся с солнечной болезнью, мой отец тоже. С матерью моей познакомился как раз в госпитале, там ему сплавляли сетчатку. Романтическая история.

Отец продолжал:

– Быть отставленным от рейдов... Ничего хорошего. Те, кто не ходит в рейды, они лишены... они многого лишены. В конце концов, увидеть мир можно лишь со стороны, ты сам знаешь.

– И через очки, – добавил я.

– Через очки – и то хорошо. Увидеть мир... Да многие из города никогда не выходят, не то что в рейд!

Это точно, многие не выходят, особенно совсем молодые. Они даже на поверхность не могут выйти – сразу в обморок. Это потому, что агарофобы все, боятся открытых пространств, какой им рейд...

А я не боюсь, потому что я в отца. Мой отец пилот, один из Восьмерки, между прочим, а я в него. Правда, самому пилотом мне не стать, я с вычислениями плохо разбираюсь, но

наследственность есть. Может быть, стану техническим инженером, когда-нибудь потом.

Я не боюсь открытых пространств, нет, не боюсь.

Глава 3

Ждать людей

«В две тысячи двести двадцать третьем году международная арктическая экспедиция, действующая в районе базы «Руаль», достигла линзы подледного озера «Восток 18». В пробах воды был обнаружен ретровирус, относящийся к периоду раннего палеолита. При случайном контакте с атмосферой вирус перешел в активное состояние, несмотря на принятые меры, сдержать распространение не удалось. В течение года пандемия скоротечного рака, начавшаяся среди людей и высших обезьян, уничтожила более девяноста пяти процентов популяции. Вакцину найти не удалось.

Вирус стремительно распространился по континентам, проник на орбитальные станции и планетарные колонии. Поселения на Марсе, Луне и Нептуне погибли. Меркурианская база ввела строгий карантин и объявила, что будет сбивать все приближающиеся корабли. Политика жесткой изоляции принесла плоды – на Меркурий вирус не проник, колонию удалось сохранить.

В две тысячи двести тридцать пятом году база Меркурий направила на Землю исследовательский корабль с экипажем из четырех человек. Экипаж обнаружил, что настоящее население Земли составляет менее сотой доли процента. Виру-

са и его носителей обнаружено не было.

При старте корабль потерпел крушение. Из экипажа выжил один человек.

Алекс У.

Алекс У воспитал Красного, Красный воспитал Лося, Лось воспитал Ушастого, Ушастый воспитал Козявку, Козявка воспитал Крючка, Крючок воспитал Хромого, Хромой воспитал Алекса, Алекс воспитает Ягуара».

И заставит его выучить все это наизусть.

Обязательно заставлю. Хромой заставил меня это выучить, почти целый месяц я потратил на это. Каждый вечер сидел и бубнил: «Козявка воспитал Крючка, Крючок воспитал Хромого, Хромой воспитал Алекса...»

Алекс – это я, и я еще никого не воспитал. Ягуара еще нет. Я должен найти Ягуара и воспитать его как себя. Как меня в свое время Хромой, ну, и как все остальные до него. Научить говорить на правильном языке, научить думать, ходить в одежде и в башмаках, стрелять из оружия, разводить огонь, читать.

Кстати, при чем тут экспедиция – никак не могу понять до сих пор, да еще и арктическая, экспедиция – это же совсем другое...

Научить ждать. Я должен буду научить Ягуара ждать. Ну и татуировку, конечно, сделать, без татуировки никак. Буква «М» на правом плече, а за этой буквой косматое солнце. А у меня этих букв вообще много, особенно на спине. Хро-

мой татуировки не умел делать и сначала долго тренировался, всю спину мне издырявил. А пока он там возился, я должен был повторять все это – про пандемию, про базу «Руаль». Чтобы лучше запомнилось. А сам Хромой говорил, что когда он это учил, то Крючок его лупил ежовым ремнем, ну, ремнем то есть из ежиной шкуры...

Сам Хромой хранил весь рассказ в блокноте. То есть в блокнотах. У него их много было, потому что он их очень много терял. Потеряет и тут же новый берет и пишет, на память свою не надеется. А я в конце человечков дорисовывал, тоже тренировался. Так у нас и получалось – половина книжки каракули Хромого, половина – мои человечки.

Козьявка воспитал Крючка... Я, когда заучивал, половину слов вообще не понимал. Потом несколько книжек прочитал, словари разные, тогда уже понимал. Что такое «пандемия», «вирус», «базы». Что такое «изоляция». Хромой говорил, что это просто должно запомнить, понимать-то неважно, помнить – главное. Помнить, что придет время и настоящие люди вернутся на планету. И тогда они примут меня как равного. Потому что я прямой наследник самого Алекса У.

– Твоя задача – ждать, – говорил Хромой. – Ждать, пока не прилетят люди. Ждать людей.

– С Луны?

Я специально спрашивал, просто я любил поговорить и поспорить, приятно слушать было человеческий голос.

– Ты что, не понимаешь? – сердился Хромой. – Мы же

заучивали! Ты же повторял много раз, ты что, совсем не понимаешь, что заучиваешь?! Базы на Луне все погибли! И на Нептуне погибли! Только на Меркурии люди остались! И здесь только ты да я...

– Но там нет никакого Меркурия, – возражал я. – В небе. Луна есть – она желтая, тут все понятно, я ее вижу. А где Меркурий?

Я прекрасно знаю, что есть и Меркурий, и другие планеты, и что эти планеты вертятся где-то там наверху в строгом порядке, про это во многих книжках пишется. Но если честно, я в это не очень до конца верю, трудно верить в то, что не видишь глазами. А в книжках ведь могут и врать вполне, вот сказки взять – они тоже в книжках пишутся, а между тем сказки – сплошное ведь вранье. В сказках все животные разговаривают, драконы какие-то, кони летающие, экзема разная. А этого ведь нет на самом деле. На самом деле все молчат. Вокруг тишина просто нечеловеческая, даже Волк глазами разговаривает, а хоть слово сказать не может. В книжках же они разговаривают с утра до вечера.

А вдруг в книжках врут и про Меркурий?

– Он просто далеко, – объяснял Хромой. – И он с другой стороны Земли. Поэтому его и не видно. Но он тоже есть. Там живут люди. И они прилетят. И все пойдет по-старому, как раньше.

– Как это? – не понимал я. – Как это по-старому? Как раньше?

– Так, по-старому. По-хорошему. По-правильному. Вот ты шоколадки пробовал?

– Пробовал.

– Вкусные?

– Вкусные.

Шоколадки на самом деле вкусные. Только твердые, зубы все поломаешь. А так даже меда лучше, мед – он всегда мед, ну, один горчее другого, а шоколадки разные. В некоторых орехи. В некоторых ягоды. Или вообще штуки непонятные, гуаровая камедь. Там, где эта камедь, шоколадки самые вкусные.

– Вот когда все станет по-старому, шоколадок будет много, – обещает Хромой. – Ты их сможешь каждый день есть. Да вообще ты сможешь есть только шоколадки...

Ну, не знаю. Шоколадки, конечно, дело хорошее, я бы их, наверное, мог съесть сколько дашь. Но все уж совсем менять в мире мне не хочется. И так все нормально. Ну, не очень, конечно, хорошо, но в целом ничего. Если бы диких не было еще...

– А дикие? – спрашивал я.

– Что – дикие?

– Шоколадки – это хорошо, но с дикими что делать? Их очень много развелось. Вот если бы люди их всех перебили...

– Перебьют, – уверял меня Хромой. – Обязательно перебьют. Только прилетят, так сразу и перебьют. Первым же де-

лом. Ты что же думаешь, что они будут с этими вонючками жить? Да никогда! Люди обожают чистоту! Ты же книжки читал, они даже руки перед едой всегда обеззараживали...

– Это хорошо... – говорил я. – Очень хорошо...

Хорошо, конечно. Тяжело жить, когда кругом одни дикие. Да волки, да пантеры, да зайцы, да руки не обеззараживаются...

Я представлял мир, где будут обеззараживаться перед едой руки. В общем, ничего, но, судя по книгам, в том мире все друг друга заставляли что-то делать, а некоторых заставлять даже не надо было, они все добровольно делали то, что им не нравилось. А я бы так не хотел, я всегда делаю то, что хочу, иду туда, куда хочу, в этом, по-моему, главная человечность заключается. Я человек, а человек должен быть свободен...

– Алекс, – вздыхал Хромой, – ты еще пока не понимаешь до конца. Но ты поймешь. Это наша планета, мы на ней жили, тут было все налажено, и нам тут было хорошо. А потом все разладилось в разные стороны...

– Как разладилось? – злил я Хромого, хотелось мне с ним поговорить.

– Ну, как-как, ты же знаешь, как... – Хромой трепал Волка за ухо. – Болезнь. Она распространилась, и от этой болезни все на земле почти умерли. А некоторые изменились нехорошо...

– Как зайцы?

– Как зайцы. Зайцы раньше от всех бегали. А теперь увидишь зайца – беги подальше сам, загрызет. Но это ничего, люди и зайцев этих тоже перебьют. Всех опасных они истребят. И вообще жить станет проще, дом у нас будет как раньше, еда всегда...

– А как люди живут на этом Меркурии? – спрашивал я. – Тоже в лесу?

Нет на Меркурии никаких лесов. Камень там только и солнце светит всегда.

– Не знаю, – подыгрывал мне Хромой. – Наверное. Вот прилетят и скажут. И ты им скажешь...

Хромой зевал с хрустом.

– А если они не прилетят?

– Прилетят, – ежился Хромой. – При тебе еще прилетят, обязательно прилетят. Но ты должен на всякий случай еще одного человека воспитать. А то прилетят люди, а тут нет никого, только дикие...

– Я назову его Ягуаром, – сказал тогда я.

– Почему?

– Ну как в сказке. Помнишь, когда там ягуар хотел выцарапать черепаху. Ягуар смешной, большая кошка.

– Да. Но у нас ягуары не водятся...

– Водятся, – возразил я.

– Нет, у нас ягуары не водятся...

Я не стал спорить, перехотелось вдруг. К тому же я-то точно знал, что ягуары у нас водятся. Правда, их совсем мало,

я раза три всего видел, возле реки они рыбу ловили.

Ягуаров даже меньше, чем лигров.

– А что такое выцарапать? – спросил я. – Это как?

– Думай сам, – отвернулся Хромой.

Тогда я еще не знал, что такое выцарапать. И стал думать.

Когда Хромой еще не умер, было много времени, чтобы думать. Хромой ходил на охоту, а меня заставлял думать. Притащит какую-нибудь книжку несъеденную, заставляет читать. Читать-то я читаю, только ничего не понимаю, слова всегда незнакомые, трудно вникается. Хромой говорил, что только так можно воспитать человека – человек должен думать, а не по лесу с арбалетом носиться.

Читать и рассуждать. Прямо у себя в голове. Это очень полезно. Потому что мозг – он, как яблоко, гладкий. А когда ты много рассуждаешь, в этой гладкости появляются бороздки. И чем больше бороздок, тем человек умнее. Рассуждай у себя в голове. Постоянно. А когда у тебя будет Ягуар – рассуждай с ним, чтобы у него тоже в мозгах бороздки образовывались.

И кушать надо хорошо. Для питания мозга чрезвычайно важна хорошая еда, от этого в мозгу экология хорошая. Когда я жил с Хромым, всегда еда наличествовала. Хромой был очень запасливым человеком, и кладовки ломились, большие и богатые. Осенью, когда рыба и олени становились жирные и мясистые, мы отправлялись на добычу. Далеко не надо и ходить даже, оленей в лесу, как клюквы на болоте, а

не хочешь оленей, бей кабаргу.

И рыбы в реке тоже полно, шагай с острой вдоль берега, можно и днем, тюкай себе помаленьку. Прямо на месте коптели. И мясо, и рыбу. Потом тащили все домой, устраивали в лабазе на длинных жердях, потом опять в лес...

Хорошо жилось.

Но лабаз – это еще не все. Каждую весну мы устраивали глубокий ледник, где и мясо, и рыба могли вполне успешно храниться в свежем виде. Так что в некоторые зимы мы даже из дома не выставлялись, лежали, накапливали силы для лета. Ледник – очень удобная вещь, хотя я не очень любил в него ходить: опускаешься туда – темно, тихо и со всех сторон торчат ободранные туши. Мерзлые.

Запасы.

Неприятное ощущение. Всегда мне там не по себе было...

С другой стороны, мы ни разу не голодали. И я вырос крепкий и быстрый. Хромой молодец все-таки, настоящий человек, жалко его. Я вот не умею запасы делать. Поэтому я всегда либо обжираюсь так, что пузо до колен, или позвоночник от голода через живот просвечивает.

Это, наверное, потому, что я еще молодой. Я не знаю своих лет, но сколько себя помню, Хромой был всегда рядом. Сначала мы жили в доме, в нем раньше и Хромой, и Крючок, и Колючка жили. Очень хороший дом с крепкими стенами и потолком, можно сказать, что семейный. И местность тоже хорошая – рядом река, еды много. Пескарей можно бить

чуть ли не из окна, и олени на водопой приходили. Это было лучшее время. Потом отчего-то появились дикие.

Раньше они редко встречались, бродили в своих дальних лесах. А тут вдруг полезли. Точно их выгнал кто, так и стали вокруг дома шастать. Сначала в темноте было нельзя выйти, потом уже и днем. Волк с утра до вечера беспокоился, шерсть на загривке так и шевелилась. А потом они меня чуть не сожрали вообще.

Я тогда маленький еще был, не мог себя оборонить, а Хромой отправился с Волком за солью, мы на зиму хотели мяса побольше завялить, вот он и пошел. А я дома остался. Составлял из букв новые слова, это интересно.

Потом слышу – возле дома кто-то бродит. Туда-сюда, туда-сюда. И вздыхает так протяжно. Сначала я испугался, думал лигр, они такие вот вздыхатели как раз. В щель в двери выглянул осторожно, лигра нет, смотрю – только груша на земле лежит. Груша – вообще дерево ценное, мало сейчас встречается. И сладкое очень. Шоколадки редко попадают, а сладкого всегда хочется, от него сил здорово прибавляется, а груши – они почти как шоколадки...

И так мне этой груши захотелось, что я не вытерпел, откинул засов, дверь сразу же распахнулась, на меня налетело что-то большое и лохматое, я даже завизжать не успел. Но по воню понял. Меня подхватили под мышку как какого-то поросенка и потащили в лес. Я закричал, но дикий меня стукнул по затылку, и я сразу потерял сознание.

Очнулся и увидел зелень. Зелень скакала перед глазами, меня тащили сквозь кусты. Я извернулся и попробовал уку- сить сжимавшую меня руку, но рука была крепкая, а шкура толстая, даже не прокусилась. А дикий ничего, кажется, и не почувствовал, не остановился, тащил и тащил, я как полено укусил, как дерево. Недаром Хромой мне рассказывал, что дикие в старости не умирают, а ведут себя совсем по-друго- му, дожидаются весны, откапывают ямку, становятся в нее ногами и закапываются обратно, примерно по пояс. А потом начинаются дожди, живые весенние дожди, и из ног дикого начинают расти корешки, к лету он покрывается сочными зе- леными листочками, а к осени становится вообще деревом.

Вранье, конечно, но в молодости я сильно в это верил. К тому же Хромой показывал мне невысокие кряжистые дере- вья неопределенной породы, которые, по его утверждению, были раньше дикими и живыми. Они ими вроде как и остава- лись, Хромой предлагал мне попробовать – взять и как сле- дует поковырять кору, и если углубиться хорошо, то пойдет кровь. Поковырять я так и не решился, а потом, когда Хро- мого уже не было, я видел такое дерево, его смерчем выво- ротило. И никакой крови внутри, дерево как дерево.

Так вот, тот дикий меня долго тащил, потом остановился все-таки, не машина, не экскаватор. В каком-то сыром глу- боком овраге, черные корневища со всех сторон, камни ост- рые, ручей булькает. Бросил меня на землю рядом с водой. И давай подвывать. Как волк какой-нибудь. Повыл немно-

го – у-у, у-у-у – и сразу из кустов выскочили другие дикие, целая команда. Штук, наверное, восемь, я не успел сосчитать. Окружили меня и уставились, как на шоколадку. Стояли молча, это было страшно. Я так испугался, что даже сказать ничего не мог. Да и бесполезно говорить – дикие ничего не понимают все равно, они хуже зверей. Волк – и тот понимает в тысячу раз больше, чем дикий.

Все, думал я. Все. Вряд ли я теперь Ягуара воспитаю. Хромой всегда говорил, что к диким лучше не попадаться. А еще Хромой иногда, совсем иногда говорил, что до меня у него уже был Алекс. Они его утащили, и он пропал, они его, наверное, замучили...

И сейчас вокруг меня они стояли. Пялились, пялились... А потом один потрогал меня за ободранное ухо твердыми пальцами, а другой облизнулся.

Нет, Хромой мне говорил, что дикие людей не жрут, что они только растительность жрут, грибы-ягоды, но откуда он это знает? Людей вообще ведь нет, только я да он. Так что знать – жрут они людей или нет – никто не может. Это можно проверить только экспериментальным путем...

Вот я сейчас и проверю.

Испугался я тогда, испугался. Ну, то ли от страха, то ли оттого, что я одурел изрядно, я вдруг сказал:

– Лучше меня отпустите. Не отпустите – за мной прилетят. С самого Меркурия. Тогда вам всем смерть приключится.

Дикие переглянулись. А тот, что уже облизывался, еще раз облизнулся. У меня от этого мороз по хребту пробежал. Нет, может, все остальные дикие и питаются кореньями и всякими там орехами да щавелем, а этот явно мясо уважает. Вон как ко мне приглядывается, тоже мне Робин-Бобин, га-стороном-самоучка...

Нет, мне совсем не хотелось умирать в лапах диких, такая смерть вообще мне не нравилась. Чего в ней хорошего? Как-то позорно даже...

Хотя дикие не спешили меня жрать. Лето, чего им спешить? Летом жратвы много, они не очень голодные. Вона какие жирные, у каждого брюхо, и сами все сальные такие. Зверье. Зимой они бы меня уже небось пять раз слопали, даже не раздумывая. А сейчас не спешили. Может, они по частям меня решили? Или уташат в глубь леса, в свое стадо, чтобы каждому по кусочку досталось. Будут откусывать и передавать, откусывать и передавать, укреплять дикую дружбу...

А может, они правда увести меня хотят? Но если они не едят мяса вообще, если им мяса не надо, зачем я им тогда? Только на увод. А зачем меня уводить?

Точно! Точно! Я прямо похолодел весь. Они меня похитили для того, чтобы я женился на какой-нибудь дикой! Для улучшения ихнего экстерьера!

Нет уж, ребята! Жить в берлоге с какой-то там волосатой вонючкой! Ни за что!

И тут, будто в подтверждение моих страхов, самый упи-

таный дикий вдруг шагнул ко мне, присел и как-то чуть ли не по отечески потыкал меня пальцем в плечо. А затем опять потрогал за ухо. Этому мне только не хватало!

Нет уж! Не дамся!

Я рывком вскочил на ноги, отпрыгнул в сторону, схватил камень и запустил в этого самого жирного дикого. Прямо в лоб ему попал. Только от такого лба не то что камень, пуля отскочит безо всякого урона. Но рассвирепеть дикий рассвирепел, прыгнул на меня, схватил, пасть свою, как крокодил, растопырил да как заорет! Потом швырнул меня на землю, кулачище свой надо мной занес...

И тут из кустов как полыхнуло! Я не понял, что это было, испугался огня еще больше, чем диких! Огонь! Огонь как выплюнулся! И прямо на диких! А дикие волосатые все, мусорные, сразу как загорятся! Как факелы просто! Как загорятся, как замечутся по берегу! Мясом горелым запахло – жуть! Ну, дикие немного побегали, поорали, потом додумались – попрыгали в ручей, потушились. В яму забились, сидят кучкой, головы высунули – дымятся.

А я сажу на берегу.

Вслед за огнем показался Хромой. Он молча поднял меня на ноги, и так же молча мы пошли домой. Потом, километра через два, я немножко очухался и стал уговаривать Хромого вернуться и разобраться с этими ручьевидными дикими. Чтобы им неповадно было меня дальше похищать...

Но Хромой молчал. Так мы домой и вернулись. С тех пор

я вообще на груши смотреть не могу: как увижу грушу, так вот все эти коллизии и вспоминаю. С дрожью.

И еще. Без арбалета я больше никуда, даже спать не ложусь, арбалет всегда рядом – только руку протянуть.

И без огнестрела.

А этих диких вообще не терплю. При каждом удобном случае стреляю. Жалко, что огнемет очень тяжелый, я не могу его с собой таскать. И дома не могу хранить. Потому что у меня нет больше дома. После того как не стало Хромого, не стало и дома.

И огнемета не стало.

Вообще, огнемет – лучшее оружие против диких. Да и вообще против всех, жалко, что огнемет не может быть поменьше. Если бы он был размером с огнестрел, ну или хотя бы, может, чуть больше...

А так не могу я его с собой таскать.

Хромой тогда мне жизнь спас. В который раз уже. Он меня всегда спасал, ну это и понятно, так и положено. Я тоже Ягуара буду спасать. А он своего воспитанника станет спасать. Хотя Хромой говорил, что к тому времени спасать никого не придется, – люди с Меркурия прилетят и все будет нормально. Обезьян, медведей, лигров перебьют и загонят в зоопарки, диких просто перебьют, лишние леса все повырубят, вместо них проложат дороги и сделают поля с овощами. А леса посадят новые, очень хорошие. И сады.

– Хромой, а как я их узнаю?

– Просто. Они такие же, как мы. И татуировки. У всех людей с базы на Меркурии есть татуировки. Как у нас. Они сами тебя узнают, ты наследник Алекса У!

Говорил Хромой, и меня переполняла гордость. Оттого, что я наследник самого Алекса У, первого человека!

– Алекс У был великим, – рассказывал Хромой. – Он мог бежать два дня без передыха! Когда на него набросились две пантеры, он убил их голыми руками! Он мог в один раз съесть жареного барана! Из своего пистолета он мог попасть в подброшенную монету! И еще Алекс У много читал! Он читал очень быстро – за день он мог прочитать целую книгу, а иногда даже и две! Только тот, кто много читает, – настоящий человек! Запомни, Алекс, только тот, кто много читает, – человек! Человек много читает, человек быстро бегает, человек метко стреляет, человек помнит прошлое!

Хромой рассказывал и рассказывал про Алекса У, точно он его лично знал. Да мне самому вообще после этих рассказов начинало казаться, что я прекрасно знаю Алекса У, что он стоит в углу нашего жилища, в темноте, там, куда не пробивается свет от очага, стоит и смотрит. Точно между нами не было ста с лишним лет. Иногда мне даже чудилось, что я вижу, как блестят пряжки на его портупее, как отливают золотом накладки на его револьвере.

Хромой рассказывал про Алекса У, а я закрывал глаза и потихоньку начинал дремать. И тогда, чтобы меня разбудить, Хромой переходил на сказки. Сказок он знал очень много и

мог каждый раз рассказывать новую.

– ... И тогда этот мальчик обнаружил, что превратился в собаку. И жить собакой было не очень хорошо, раньше, когда он был мальчиком, его кормили, а когда он стал собакой, то пришлось ему добывать себе пропитание самостоятельно...

Я открывал глаза и слушал. Сказка была интересная, мальчик все никак не мог превратиться обратно в человека, с ним приключилось очень много разных приключений, но Хромой никогда не заканчивал истории до конца. Про мальчика он тоже тогда не дорассказал, замолчал, подумал и отправился спать в свой гамак.

Вообще у нас дом был очень хороший. Такой глиняный, двухэтажный, печка, очаг и даже чердак, я любил на чердаке спать. Там в крыше была щель в досках, в нее проглядывались небо и Луна. Я смотрел на Луну и думал, что Хромой все-таки ошибается. Люди, если они есть в небе, то они ни на каком не на Меркурии, которого вообще, может быть, и нет, люди на Луне. На Луне гораздо удобнее – все видно хорошо, и спускаться удобнее – вниз.

Я бы сам на Луне поселился, если бы мне выбор предложили. Луна еще желтая, там нет лесов. А если там нет лесов, то там нет и диких. И зайцев, и рысей, и енотов. Только желтая пустыня.

Я бы хотел на Луне жить.

Я лунатик, наверное. Сомнамбулист, это так называется. Тот, кто любит Луну. И я должен дождаться людей, в две ты-

сячи двести двадцать третьем году международная арктическая экспедиция, действующая в районе базы «Руаль», достигла линзы подледного озера «Восток 18»...

Глава 4

Минус два

Сразу после работы отец заглянул ко мне и вручил список запрещенных предметов. Я только что принял вечернюю порцию капсул и пребывал в сонном настроении – после белкового вброса всегда так хочется полежать и подумать, отрыжка мучает, внутри что-то бурчит и подташнивает еще. Но отцу этого ведь не объяснишь, он человек старых правил, сейчас таких людей больше не делают. Минитмен – человек, в течение минуты готовый ко всему. К разгерметизации, к вспышке на солнце, к приступу мобильного бешенства в детском питомнике, к прорыву из шахт метанового облака, ко всему. Сирена еще только начинает выть, я еще только глаза продираю ото сна, а отец, уже обряженный в защитный комбинезон, выходит в дверь. Сейчас таких нет, сейчас все прагматики. Все знают, что в случае тревоги ты должен прибыть на свое место по штатному расписанию за пять минут, все и прибывают за пять. А вот так, чтобы за минуту... Нет, это только старые так могут.

Отец упрям, пришел с толстенькой книжечкой, тряс ею над моим ухом. Хотя я на самом деле знаю перечень запрещенных вещей. Да его все знают почти наизусть, даже самые молодые. Но спорить с отцом не хотелось, так что я книжку

взял. Выслушал еще множество напутствий, множество рекомендаций, выслушал уже неоднократно выслушанную лирическую историю про трепет отца перед первым рейдом, дал нужное количество заверений и обещаний, все как полагается.

Отец непривычно волновался, не знал, куда руки деть. Вообще-то, я понимал, из-за чего он волнуется, рейд – довольно опасное мероприятие, многие вообще не возвращаются, я уже говорил. А я у него первый. Ну, в смысле, первый нормальный.

И пока единственный.

Так что отец волнуется. Опасается, что я его подведу. Не оправдаю возлагаемых надежд.

И мать волнуется. Ну, она всегда волнуется, когда я от них отделялся, так она места себе не находила. А тут рейд! Все может случиться...

Поэтому она на отца и давит, а отец давит на меня.

На всякий случай я еще раз заверил отца, что буду осторожен. Не буду никуда соваться, не буду никуда лезть, буду тих и спокоен, что скажет начальник, то и стану выполнять. И пять раз все это повторил.

Отец покивал и ушел, а я на всякий случай принялся изучать список запрещенных вещей.

Как оказалось, не зря. Список обновился и довольно расширился, и это испортило мне настроение. Так, немного, испортить серьезно настроение мне было довольно сложно –

рейд впереди. К обычному перечню: игрушки, кинофильмы, оружие, статуэтки, картины, некоторые книги – добавились еще и мульты. Отныне их разрешалось провозить только через цензурный комитет, как раньше книги. И еще добавили почему-то часы наручные, мебель, маленькие рации – ну, это понятно почему, колокольчики, одежду, раньше одежду можно было провозить, а теперь запретили. Кому помешала одежда?

И колокольчики. Кому мешают колокольчики? Какой дурак потащит мебель?

И еще много чего они там написали, запретители.

Ну, да им видней. Одежда так одежда. Хотя какой от одежды вред? А может, мать не случайно мне свитер связала? Если теперь одежду нельзя провозить, то придется ее самим делать. Интересно, Эн умеет вязать? Или шить? Надо спросить. Сегодня я как раз собирался с ней встретиться...

Извиняюсь, игрушки в новом списке разрешили, ошибся.

Я поглядел на часы. Так, уже пора. Я выскочил из своего бокса и поспешил к саду. По пути толкнул какую-то тетку, она умудрилась огреть меня по спине, хорошо все. Лифты почему-то не работали, и пришлось бежать по лестнице, что было не очень удобно – люди, занятые на строительстве верхних ярусов, возвращались в жилые боксы, я пробирался против течения.

Опоздал.

Эн сидела на скамейке. Выглядела довольно бледно. Она

работает на обогатительной фабрике, и, когда мы переходим на четыре капсулы, они переходят на три. А про три капсулы я уже говорил – ноги протянешь. Да и здоровья обогащение не добавляет – поди целый день в маске поработай. А без маски нельзя – гелий-3 адсорбируют коллоидной кислотой – одна капля прожигает от макушки до ступней.

Жаль ее, тяжелая работа.

Эн ждала меня. Наши пятнадцать минут. Каждый месяц человек может посидеть пятнадцать минут в саду. Сад небольшой, комната десять на десять, потолок три. Есть небольшой фонтан с соленой – чтобы не пили – водой, и дерево растет, и трава. Под деревом скамейка.

На скамейке меня ждала Эн, а я опоздал на две минуты. Чем Эн была весьма недовольна. Я бы сам был недоволен, а у Эн еще характер вообще кусачий.

– Если тебя берут в рейд, это тебе еще не дает права опаздывать, – сказала она.

Я поглядел на нее с усталым пренебрежением. Мужчина отправляется в рейд, женщина ждет у камина. Вяжет носки. Кстати, если мы помолвимся, то я смогу провезти две крупные вещи. Официально. Я поглядел на Эн.

– Думаешь про вещи? – догадалась она. – Зря думаешь, я за тебя не собираюсь.

– А я и не думаю.

– Думаешь, по лицу вижу. Думаешь, что я побегу за тебя замуж. Не побегу!

– Да и не надо, – я равнодушно зевнул, – нужна ты мне очень... Знаешь, и без тебя желающих много будет. Вот Ната, она просто мечтает...

– Да что ты говоришь? – перебила меня Эн. – Ната просто мечтает? Просто жить не может?!

Я еще более равнодушно пожал плечами.

– Я ей все глаза выдеру, – так же равнодушно сказала Эн.

Ну, дальше мы помирились и начали придумывать, что я привезу Эн из рейда. Можно взять две вещи. Но это официально, как я уже говорил. А неофициально можно провезти больше. Так многие делают, если стартовая масса не превышает норму, то контроль не проводится и легко прихватить кое-что с собой. Ну, разумеется, что-нибудь небольшое, что можно спрятать под комбинезоном.

– Я хотела тебя кое о чем попросить, – сказала Эн негромко.

– Ну конечно, – великодушно кивнул я. – Попроси.

Сейчас она попросит меня привезти ей украшений.

Все девчонки мечтают о драгоценностях. Даже моя мать их любит, отец из предыдущих рейдов их пригоршнями таскал. Странно это даже – смысла в этих драгоценностях нет никакого, их даже на капсулы никто обменять не захочет, а все женщины их просто обожают.

Золото, серебро, бриллианты. Жемчуг особо. Если его толочь и принимать с водой, то желудок регенерируется, снимается токсическое воздействие капсул.

– Это, конечно, неправильно. – Эн даже, кажется, покраснела. – Но я хочу, чтобы ты привез мне...

– Ты хочешь фильм, – теперь уже я ее перебил. – Ты хочешь, чтобы я привез тебе фильм?

Эн помотала головой.

Интересно, подумал я. Если не фильм, то что тогда? Я стал вспоминать, что тайком протаскивали на корабль участники рейдов. Редко что-то оригинальное протаскивали, вообще-то. Чаще всего обычную контрабанду. Конфеты, спиртное, иногда книги с запрещенными репродукциями, иногда фильмы. Очень редко. Я слышал про один такой фильм вот. Ну, и Бугер тоже вот сбреханул.

Баян. Один дурачок умудрился пронести баян. Любил музыку, хотел выучиться играть. Как ни странно, баян ему оставили. До сих пор на нем играет, можно иногда пойти в музыкальный клуб, послушать.

Неужели Эн хочет баян? Нет, баян для нее слишком мелко, так, несерьезно даже. Эн о баян не будет даже мараться. Ей подавай что-нибудь масштабное, грандиозное. Рояль. Точно, Эн мечтает о рояле! Она хочет, чтобы я ей протащил рояль!

Я представил, как Эн сидит за роялем, и хихикнул.

А может, контрабас.

Я представил, как Эн обнимает контрабас, и хихикнул.

– Что смешного? – прищурилась Эн.

– А? Нет, ничего смешного. Так чего тебе притащить? Ро-

яль?

– Почему рояль? Нет, не рояль. Я хочу, чтобы ты привез мне котенка.

Мне показалось, что я ослышался.

– Что?! – спросил я как можно тише.

Нет, вокруг никого не было, никто этот бред не мог услышать. Повезло.

– Повтори, – попросил я, – я не ослышался?

– Ты не ослышался. Я хочу, чтобы ты привез мне котенка.

Ты знаешь, что такое котенок?

Я знал, что такое котенок. Видел в мультфильме. Котенок – это маленькая кошка. Такая совсем маленькая – если его посадить на ладонь и сжать кулак, котенок как раз в нем укроется. Маленькая кошка. Котенок ловит мышей и ими питается. Во всяком случае, в мультиках так всегда происходит. И сыром котенок питается. И молоком. Интересно, какой сыр на вкус? Ризз рассказывал, что в первых рейдах еще встречался сыр, только очень засохший. Но даже засохший сыр очень вкусен...

Лучше бы она хотела рояль.

– Что молчишь? – Эн громко щелкнула пальцами. – Я тебя спрашиваю, ты знаешь, что такое котенок?

– Зачем тебе котенок? – оторопело спросил я.

– Хочу попробовать, – ответила Эн.

– Он, наверное, невкусный...

Эн хихикнула.

– Дурак ты, – сказала она. – В рейд тебя берут уже, а ты все такой же дурак. Непроходимый просто. Мне мама говорила, что те, кто на драгах работают, они все немного того... От вибраций у них мозг разрушается постепенно. Ты что, ничего совсем не понимаешь?

– Понимаю...

– Зачем может быть нужен котенок? Для того чтобы вырастить из него кошку. У меня у матери спина болит сильно. Как ночь – так спина начинает давить. Ты можешь представить, что такое, когда всю ночь болит спина?

Представить я мог. Ночи у нас длинные. Очень.

– А она прочитала, что кошки хорошо радикулит лечат. Если к спине прикладывать кошку...

– Мертвую? – глупо спросил я.

– Не, все-таки ты дурак, парень с драги. – Эн покачала головой. – Какой смысл прикладывать к радикулиту мертвую кошку? Конечно же, нужно прикладывать живую! Живая кошка теплом исцеляет, она все лечит. Мама очень хочет кошку.

– А как же биокарантин? – спросил я.

Эн фыркнула.

– Нет, существует же биокарантин...

– Так и скажи, что не можешь, – улыбнулась она.

У нее самая красивая улыбка. Определенно самая красивая улыбка, какую я только видел...

– Все парни – хвастуны, – сказала Эн. – Болтают все вре-

мя – мы все можем, мы все можем, а как приходит время привезти что-нибудь из рейда, они начинают ныть – нет, я не могу, у нас же биокарантин...

Я не дурак, у меня от вибрации мозг еще не совсем раскололся, Эн зря говорит, с мозгом у меня все в порядке, я понимал, что вот сейчас она меня просто провоцирует самым обычным и зауряднейшим способом. Я все это прекрасно понимал и тем не менее сказал:

– Как я его провезу? Нас же будут после проверять...

Наверное, все-таки я на самом деле дурак. Но у Эн такие красивые глаза...

– Котеночек – он же маленький. – Эн показала пальцами, какой именно бывает котеночек. – Его можно легко упаковать... Где-нибудь спрячешь в кармане и провезешь. Вам же выдают фризеры. Ты котеночка возьмешь, заморозишь, а потом, уже здесь, разморозишь. И он вырастет...

– Но ведь...

Это уже не нарушение правил, это – преступление. «Умышленное нарушение биокарантина и провоз представителей экзо-фауны», кажется так. За это можно лет двадцать в Постоянной Экспедиции получить. Без права на свидания. Без выходных.

– Да никто не узнает, – заверила меня Эн. – Это будет нашей маленькой тайной. Нашей первой тайной.

И она улыбнулась обворожительно и загадочно, так что у меня тяжело потянуло в солнечном сплетении.

– А если кто-нибудь узнает, ты скажешь, что он сам пролез.

– Как?

– Так. Котенки – они же жутко пронырливые, это же всем известно. Вот он и пронырнул. А твоей вины в этом нет, ты ни при чем.

– Ну да, у меня в кармане найдут мороженого котенка, а я не виноват!

Эн отвернулась.

– Давай я тебе привезу цепочку, – предложил я. – Или еще лучше – жемчуга. Ты видела жемчужину? Это очень красиво...

– Я сказала, котенка. – Эн даже топнула ножкой.

Она очень упрямая. Самая упрямая девчонка, какую я знаю. Если что-то ей взбредет в голову – обязательно добьется. Это хорошее качество... В умеренных дозах. А у Эн доза этого качества просто огромная. Подавай ей котенка! Но ведь это ненормально, почему я должен искать на планете какого-то котенка? Может быть, там никаких котят уже давно нет? Вымерли. Или редко встречаются, я попробовал было переубедить Эн, что от котенка следует отказаться.

– Послушай...

Конечно, она не переубедилась.

– У меня мама каждую ночь разогнуться не может, ей нужна кошка, – строго сказала Эн, – так что мне ничего про карантины рассказывать не надо. И про жемчуг слушать не хо-

чу. Привези мне котеночка. А не хочешь, так я с кем-нибудь другим поговорю, вас в рейд много идет.

– Ну да, – усмехнулся я, – поговори. Поговори с Бугером.

– А хоть бы и с Бугером! Бугер – парень смелый!

Зря я про Бугера сказал. Бугер – человек, склонный к авантюризму, он может и согласиться на котеночка. Если уж он говорит, что видел настоящий фильм... Если Бугер согласится, мои шансы на Эн несколько уменьшатся. Мне не нужен Бугер в конкурентах. Мне вообще конкуренты не нужны: в ситуации, когда на одну родившуюся девочку приходится два с половиной родившихся мальчика, о конкуренции думать не хочется.

Хочется не хочется, а думаешь.

– Ладно, – я поднялся со скамейки. – Ладно. Я попробую.

Эн тут же благодарно схватила меня за руку.

– Я попробую. Но ничего не обещаю, неизвестно, куда еще меня направят. А вдруг в охотники определяют? Если в охотники определяют, мне не до котеночков будет...

– Тебя не отправят в охотники. Молодых всех в поисковые партии определяют, ты же сам знаешь. А поисковые партии бродят везде. Вот вы будете бродить и, конечно же, набредете на кошек. Ты же видел мультфильмы, кошки и собаки, они в планетарных городах в изобилии...

Я хотел сказать, что это несколько не так, но Эн уже мечтала:

– Ты его аккуратненько так подманишь, поймашь, замо-

розишь и привезешь сюда. А тут я его отморожу. Сама отморожу, чтобы правильно отморозился, не потрескался. Я его разморожу, а он вырастет и станет большим-пребольшим, станет настоящей пушистой кошкой и будет лечить спину не только моей матери, но еще и тебе – у операторов драги все время то руки болят, то спина, то еще что. Мы станем все лечиться этой кошкой, а потом все увидят, что от кошки нет никакого вреда. И тогда этот дурацкий карантин отменят, и все, кто захочет, начнут привозить кошек и других зверей. Ты представь, как у нас тут станет весело!

Я представил. То, что я представил, мне не очень понравилось. Если верить мультфильмам, то котенки и кошки все очень беспокойные существа, они все время скачут, устраивают разные безобразия и вредят направо и налево. Одна кошка – это еще куда ни шло, а вот целый кошачий выводок... На самом деле станет весело.

– Я попробую, – снова сказал я. – Но при одном условии. Мы объявим о нашем обручении.

– Только об обручении, – уточнила Эн. – А поженимся уже потом. Лет через двадцать?

– Хорошо. Через двадцать локальных.

– Локальных, разумеется. Двадцать лет пройдут – не заметишь. Жених.

Эн хихикнула, подмигнула мне, вскочила со скамейки и упорхнула. Я поглядел на часы. Две минуты. Можно было еще две минуты сидеть. Хорошо. Я вытянул ноги и стал слу-

шать, как журчит вода.

Хотелось пить. Я подавил жажду и стал ждать.

Через две минуты над головой мигнула неприятная красная лампочка, и я удалился из садика.

Я спускался к себе. Настроение у меня было неважное. Кроме того, мне все время казалось, что все на меня с подозрением смотрят. Будто что-то такое про меня знают, такое, компрометирующее. Мне было стыдно. Очень стыдно. Непонятно толком из-за чего, и поэтому я злился еще больше, и растопыривал локти, чтобы цеплять встречных – а что, они-то меня с утра цепляют безжалостно! Никто со мной ругаться не стал, наверное, у меня лицо все-таки было слишком злобное.

Ну и ладно.

Я вернулся в бокс, кинулся в койку и стал думать. Ну, про свое преступление. Конечно, оно еще не свершилось, но я на него уже вроде как согласился, а значит, это все равно что свершилось.

Стыдно. Мне казалось, что, согласившись на провоз котенка, я как бы замарал честь нашей семьи. Своего отца, деда, предков, всех тех, кто с гордостью нес наше имя через трудности и лишения. Наверняка мои доблестные родственники не опускались до столь низких преступлений, они были честными и достойными людьми, никогда не провозили *настолько* запрещенных вещей!

В отличие от меня.

Но, с другой стороны, были и плюсы. Я притащу этого дурацкого котенка, и потом, со временем, Эн выйдет за меня замуж. Если измерять нашими планетарными, то всего через пять лет. Нормально. Пять лет – это не так уж и долго, быстро даже. И в самом деле, заморожу его тихонечко и спрячу куда-нибудь в сапог, кто будет сапоги проверять?

Потом я стал думать о том, где именно найти котенка. Честно говоря, о повадках котенков я имел самые отдаленные представления. Я знал, что они любят молоко и сыр, я об этом уже говорил. А вот где они обитают, я предположить не мог. Значит, мне придется выследить большую кошку, и уже из ее гнезда добыть котенка. Да... Надо потихоньку разведать у Ризза что-нибудь про кошачьих, он, наверное, знает, он человек опытный. Хотя... Нет, лучше молчать, лучше на всякий случай молчать.

А вообще здорово. Два дня до рейда!

Два дня!

Глава 5

Рыжий на столбе

Раз, два, три четыре, пять, вышел заяц покусать...

Да уж, мама-эвтанизия, получилось, получилось у меня перепрыгнуть!

Жил был Волк. И очень этот Волк любил рыбу. Но Волк ведь не ягуар, рыбу ловить не умеет. Вот однажды зимой так Волку захотелось рыбки да и вообще пожрать, что пошел он к полынье и хвост туда засунул. Думал: суну хвост в воду, буду им трясти, может, какая безмозглая рыба прицепится, зимой рыбе тоже жрать хочется. Сунул и стал трясти.

Трясет-трясет, трясет-трясет, а рыбы все нет. Ну, Волк подумал, что будет сидеть до упора, пока чего-нибудь да не поймает. Подумал и стал сидеть. Целый день просидел, к вечеру мороз ударил, полынью затянуло, Волк и застрял. Застрял, вырваться не может. Тут как раз мимо шла Лиса. Смотрит – Волк примерз. Ну, она не дура ведь, подкралась со спины и давай у Волка из хребта выкусывать мясо. А Волк ее не видит, и ему кажется, что это мороз его щиплет так. Лиса наелась волчатины и отправилась по своим делам.

А Волк так и сидел как дурак, пока совсем не околел, до смерти. Стал как дерево.

А Лиса отравилась и сдохла, так ей, думаю, и надо.

Всегда эту сказку не мог понять. В чем тут мораль? В каждой сказке есть мораль, какая сказка без морали? А Хромой говорил, что мораль тут проста – если ты дурак, то тебя сожрут. И если ты не можешь терпеть голод, тебя тоже сожрут.

И вообще, тебя сожрут в любом случае, так природа устроена. Никто вечно не живет, это точно. Если со смертью от старости не повезло, то сожрут тебя какие-нибудь лисички, или хорьки, или еще какая дичь, ну, пусть те же зайцы. Хотя зайцы как дикие – мяса не едят, что странно, питаются заячьей капустой, клевером и корой. А если вдруг ты в своей постели помрешь как какой-нибудь ранешний человек, то все равно тебя потом закопают, и кроты, и черви до тебя очень скоро доберутся, растащат по кусочкам, косточки отполируют. Не надо на это обижаться – за свою жизнь ты сам целую кучу всякого зверья и рыбака слопал, что заслужил – то получай, круговорот всего в природе.

Чтобы тебя не сожрали раньше времени, ты должен воспитать ученика, и, когда придет время, он кинет тебя в асфальтовый стакан, и ты убережешься. В асфальтовом стакане тебя не сожрут. Ни лисы, ни черви. Ты там мумифицируешься и будешь лежать вечно, тысячу лет, как фараон. Быть похороненным в асфальтовом стакане – это по-человечески, это значит возвыситься над природой, взять ее за мокрый мягкий нос и потрясти хорошенько, дуру. Человек всегда выше природы, потому что он человек. Вершина всего. Когда-то люди были такими могучими, что могли не только

все живое уничтожить, но и вообще саму планету взорвать в мелкую пыль. И использовать это не успели, все это никуда не делось, в тайных убежищах хранится еще оружие, мощь, которая со временем расставит все на свои места, и будет все правильно – человек наверху, а всякие там трилобиты внизу.

А диких вообще не будет.

Люди только. Люди.

Асфальтовый стакан для похорон найти тяжело, они только рядом с городами встречаются, да и то не со всеми, да и то только с большими. Рядом с нашим домом был стакан... Хотя я не о том опять.

В этот раз я ушел.

Чем отличаются дикие от людей? От человека, то есть от меня? Я умный. Я могу предвидеть. А дикие живут так, одним своим временем, настоящим.

Раз, два, три, четыре, пять, вышел заяц покусать, сказал я себе, как следует разбежался и прыгнул. Другого выбора не было. Или я прыгну, или мне смерть.

Я был спокоен. Лучше разбиться, чем достаться диким, выбора и нет.

Не знаю, до соседней крыши метров пять, если на глазок.

Я допрыгнул. Упал, перекатился. Секунду лежал, пытаюсь понять – не переломался, не растянулся, не ободрался.

Ободрался. Локти, правое колено, в остальном цел. Вскочил на ноги. Приготовил арбалет.

Дверь на соседней крыше выгнулась. Мощный удар изнут-

ри. Правильно сделал, что дверь закрыл, несколько секунд выиграл, их хватило на то, чтобы зарядить арбалет и прицелиться.

Еще один удар. Петли не выдержали. Дверь вылетела, и на крышу вывалили дикие. Четверо. Наконец-то встреча. Лицом к лицу. И чего они за мной увязались, чего им от меня нужно?

Может, Волк там у них кого-то тяпнул, начальника ихнего, за ляжку. А может, они за мной. Следили, а Волк им подвернулся. Меня они не любят, я их тут недавно много штук перебил, я уже говорил, загноцидил дичар, клочки по закоулочкам полетели.

Хорошее слово – загноцидил, в одной книжке читал такое слово.

Здоровенные дичары попались. И вожак с ними, его сразу видно. Такой приземистый, с длинными руками, с длинными пальцами, похож на паука ходячего. Рыжий... Нет, не помню, рыжего не помню. Может, я его брата пристрелил? Или тетю? Или любимого дедушку, какой-то седой, мерзкий, вонючий, грязный, слизистый, замшелый дичара, помню, тогда был, я его...

Дедушка.

Да какая, в общем-то, разница...

Я умный, я сделал все как надо. Выстрелил. Стрела попала рыжему в ляжку, жаль, не в пузо. Дичара заорал и упал, лбом так громко о крышу стукнулся. А остальные дикие на

несколько секунд замерли в обалдении. Этого мне хватило, чтобы перезарядить арбалет.

– Лучше не надо, – посоветовал я им негромко.

Но они, конечно, не послушались. Рыжий заорал уже поукатительно. Дикие разбежались и прыгнули гроздью.

Одного я встретил прямо в воздухе. Стрелой.

Дикий не долетел. Хлопнулся о стену дома – и вниз. Брякнул чем-то громко, наверное, тоже лбом. Сам виноват.

Двое оставшихся долетели. Ну, тут уж я ничего совсем не успел, пришлось арбалет отбросить и выхватить из-за спины огнестрел. Эти двое покатались как резиновые шары, затем, не теряя времени, кинулись ко мне. Я поднял огнестрел.

Что такое огнестрел, эти дичары не знали, поэтому не испугались совершенно, наверное, решили, что это палка.

Так вот, неслись они на меня. А я даже не целился – чего тут целиться, – стрелял почти в упор. Вообще, я из огнестрела по диким никогда не стрелял еще. Не люблю я огнестрел, шумное оружие, стрельнешь – и все вокруг знают, что ты тут. А лучше, когда никто про тебя не знает, так спокойнее.

Приберегал я огнестрел на крайний случай. И вот этот крайний случай и подоспел, видно.

Здорово получилось.

Дикие неслись на меня, я пальнул сначала в левого. Он будто лопнул – такое красное облако возникло вокруг, его отшвырнуло к краю крыши, он не удержался и посвистел к своему товарищу, к тому, что уже расплющился. Правда, как

бумкнул он, я не услышал.

Второй не остановился, так и летел на меня, дичара. Ну, я и его. Все то же самое получилось – этот тоже лопнул, отлетел, подкатился к краю крыши, но вниз не свалился, остался лежать.

Не шевелился.

Так им. Нечего было Волка убивать. Теперь мне придется нового Волка искать, воспитывать, выкармливать, учить, это долго и мучительно...

Остался рыжий. Вожак. Он уже поднялся на ноги и теперь в ярости носился по крыше, а зубами скрипел так, что даже мне слышно было, просто парадонтист какой-то. Я преспокойно зарядил арбалет. Рыжий увидел это и рванул прочь, к двери. Хромая, вернее, прыгая на одной ноге.

Я выстрелил ему вдогонку. Царапнул плечо стрелой – вжилек. Рыжий даже не заметил, скрылся, исчез.

Все. Прошло два года с того, как умер Хромой. И теперь у меня ничего не осталось. Даже Волка теперь у меня нет.

Я проверил снаряжение. Стрелы. Пять штук. А патронов десять. Плохо.

Солнце опустилось до крыш далеких домов.

Надо добить этого рыжего. Если не добить, начнет за мной охотиться. Эти дикие мстительные, покоя мне не дадут. Я зарядил в огнестрел три патрона и отправился с ними разбираться.

Вспомнил. Если уж я оказался на крыше, то эту возмож-

ность надо использовать, когда еще занесет. А крыша тут удобная, хорошо ее сверху видать.

Снял рюкзак, распустил ворот. Достал краску. Белая, искал ее чуть ли не полгода, потом переваривать пришлось, потом, чтобы не загустевала, еще придумывать. Получилось хорошо, в общем-то. Здоровенный такой человечек, даже не человечек, человечище настоящий, в три моих роста. Раскинул руки, улыбается, ну чтобы видно было, что это существо дружелюбное, а не дичара какой.

Человечков рисовать это я сам придумал. Сначала просто их рисовал, потом понял, что это ведь очень удобно и правильно. Прилетят люди, и что? Как они будут нас искать? Вряд ли они со своего Меркурия прямо на меня попадут, особенно сейчас, когда я бродяжу. А обозначить себя как-то надо. Поэтому я и стал рисовать везде, особенно в удобных для обозрения местах. Да и на стенах тоже, люди с Меркурия обязательно опустятся в города, станут бродить по улицам и увидят моих человечков, тогда они поймут, что здесь кто-то есть.

Я два года рисовал этих человечков. На крышах, стенах, мостах, везде, где только мог, иногда, если было настроение, я их даже на деревьях вырезал. И только потом понял, что надо было вырезать знак меркурианской базы. Тогда бы они лучше поняли. Это даже меня расстроило немного, однако, поразмыслив получше, я понял, что на самом деле человечек лучше.

Человечка рисовать проще. Пока ты все это нарисуешь – букву, солнце, полчаса пройдет, а человечек – раз-два, и готово несколько палочек, кружочек, улыбка. Их можно много нарисовать. Так что я бросил мучиться и дальше рисовал только человечков. Всегда. В конце концов, я человек, я могу рисовать все, что хочу.

Человечков тоже.

В этот раз получилось неплохо, как всегда, у меня уже опыт большой появился, я уже почти эксперт.

– Блеск-дизайн, – сказал я сам себе.

На самом деле хорошо получилось, ровно. В первый раз, пожалуй, ровно получилось, ну, если честно уж говорить. Как полетят со своего Меркурия, так и увидят, я читал, что у людей были такие специальные приборы, они прямо из космоса могли книжки читать. Полетят, увидят мой знак и поймут, что здесь кто-то есть, что не просто так все...

Я закрутил банку с краской, спрятал в пакет кисточку. Пора было заняться ржым. Он, конечно, хромой теперь, но дикие даже в хромом положении весьма шустрые, бегают, скачут.

Отправился домой... то есть отсюда, спустился вниз как человек, спокойно, по лестнице.

На первом этаже дома, в котором вонючки добились моего Волка, разворачивался пожар. Горело хорошо, стекла трескались, над асфальтом ощутимо тянуло жаром. Ничего, погорит и перестанет. А если не перестанет, тоже ничего. Пусть

тут вообще все сгорит, в память о моем Волке. Большой такой костер, индейцы, я читал, всех своих мертвых сжигали. И эти... викинги. Но о них я потом подумаю, сейчас надо диким заняться.

Я почти сразу нашел его следы. Во-первых, воздух сильно пах паленой шерстью и по этому запаху можно было двигаться как по ленте. Во-вторых, следы по асфальту. Отчетливые и заметные, я легко прошел по ним почти километр. А дальше и не понадобилось.

Дикий оказался совсем диким. А может, это у него сознание помутилось. От вида гибели диких соплеменников, вот как. Ошалел. А может, просто ходить он не мог – в ногу я ему все-таки хорошо попал. По всем правилам этот дикий должен был всю драпать в сторону леса, а там замаскироваться под какой-нибудь куст, или муравейник, или под кучу мусора, маскироваться они умеют, я бы его вообще не нашел тогда. А этот нет, в лес не побежал. Полез на столб.

Высоченный, метров, наверное, в тридцать, не знаю, для чего такие столбы нужны, нигде про них ничего не читал. Я так думаю, они погоду как-то регулировали, я их во многих городах замечал. Тучи разгоняли или, наоборот, притягивали, а может, когда надо разгоняли, а когда надо, притягивали. Сам столб гладкий, металлический, в два обхвата. А наверху кругляшка такая решетчатая, вроде как площадка за чем-то. Решето, вот как это называется, лапшу раньше через него делали.

Дикий сидел на земле и отдыхал, щупал простреленную ногу, дурак косматый. А как завидел меня, так подскочил к этому столбу, обнял его как маму дорогую и пополз вверх. Нога ему здорово мешала, он даже стрелу не догадался выдернуть, дубина. Но все равно лез. Силы много, много кореньев в этом году сожрал, дичара, лез почти на одних руках, акробат какой-то.

Я наблюдал. Дикий лез и лез, никак не мог свалиться. В одном месте, уже выше середины, оборвался было, задрыгал лапами в холодеющем вечернем воздухе, как лягушка-путешественница, но не упал. К сожалению, не упал, не сделал мне приятного, не сообщил сюрприза, собрался со своими дикими силами и докарабкался доверху. Перевалил свою рыжую тушу на эту решетчатую кругляшку, расплылся неопрятной бурой копной, сквозь решетку космы выставились. Задышал громко, как кабан-секач, обожравшийся желудей.

А я внизу стоял. Мне его прибить надо было, нечего после себя мстителей всяких оставлять. Может, там, на крыше, я его братиков прикончил любимых? Раньше вонючего дедушку, теперь вонючих братиков, и эта рыжая макака поклялась меня уничтожать всегда и везде.

Не, дикого надо пристреливать.

Я снял с плеча арбалет. Конечно, он высоко забрался, просто так не снять, придется кое-что придумать...

Достал ключ, подтянул лук помощнее. Теперь стрела пой-

дет метров на двадцать дальше. Натянул тетиву, положил стрелу в желоб.

– Эй, вонючка! – я задрал вверх голову. – Сейчас убивать тебя немножечко буду! Ай-ай-ай!

Но этот дикий никак на мои слова не прореагировал. Дикий, ничего не поделаешь.

Я сбросил рюкзак, лег на асфальт и стал целиться. Лежа стрелять вверх – самое что надо. Опора хорошая под спиной, руки не дрожат, дыхание спокойное. Целился в эту грязную тушу, куда конкретно, не видно было, в пятно грязное. Раньше у меня на арбалете оптический прицел стоял, сейчас нет, разбился. А найти не удастся никак, редкое устройство. Нет, жить стало тяжелее.

Подумал я и нажал на курок.

Стрела ударила по решетке и застряла. В дикого не попала. Сам дикий не пошевелился, никак вообще не пошевелился, только сопел громко.

Я снова зарядил арбалет. Снова приспособился. Выстрелил. Вторая стрела тоже застряла.

Так...

Плохо. Осталось три стрелы и десять патронов. Стрелять по дикому из огнестрела бесполезно, дробь разлетится веером, и в лучшем случае по этой гадине она только щелкнет, припечет, прижжет. А патроны – вообще редкая вещь.

Я поднялся на ноги.

– Вонючка! – крикнул я. – Не расстраивайся, я сейчас!

Подожди пару минуток....

Я быстренько избавился от ненужной амуниции, оставил только нож. Поплевал на руки, протер их о штаны. Подпрыгнул, обхватил столб руками, обхватил его ногами, пополз, стараясь пристать к нему брюхом, как слизняк какой гигантский.

Лезть по столбу оказалось нелегко. Столб был толстый и необъятный, но кое-как я все-таки карабкался, пузо помогало, препятствовало скольжению. Жаль, что я сейчас ребрист, мне бы пузо потолще...

Так я поднялся метров на пять. После чего посмотрел в небо, посмотрел в землю и понял, что если я и доберусь до решетчатой площадки, то устану настолько, что шансов справиться с рыжим диким у меня совсем не останется. Возьмет он меня, развертит и запустит вниз с ускорением. Победит меня, а этого я допустить не мог, не мог допустить, чтобы дикий восторжествовал над человеком!

Поэтому, оценив свои силы, я вернулся на асфальт.

Дикий лежал на решетке, не шевелился. Все равно его ножом не прирезать, подумал я. Он меня в два раза больше весит и быстрый, как змея, вряд ли я с ним справлюсь...

Надо придумывать что-то...

А между тем стало уже темнеть не потихонечку. Совсем уже вечер, ночь скоро. Ночью на улице лучше не оставаться. Но и уходить тоже нельзя – этот красавец удерет. Значит, придется ночевать под столбом. Значит, надо готовить-

ся. Ну, я и стал готовиться.

Снял с пояса топорик. Деревьев вокруг не росло, а дома каменные, двухэтажные. С деревянными дверями. Я обошел четыре дома, вырубил двери, расщепил их. Немного. Хватит часа на три. За четвертым домом обнаружилась яблоня.

Древняя-предревняя, наверное, ровесница самого дома. Вся корявая, страшная, угловатая и засохшая совсем, наверное, частично даже в уголь превратившаяся. Хотя для угля, кажется, нужны миллионы лет, через миллионы лет не будет вообще людей, это грустно сознавать – эволюция. В одном месте, правда, была кое-какая зелень, и даже парочка яблок раскачивалась, я попробовал, оказались горькие и одновременно сладкие. Есть не стал, расстройства желудка мне не требовалось.

Вообще, рубить приходилось с перерывами – два раза тюкну по стволу – из-за угла выгляну, чтобы дичара не улизнул. Но он то ли спать решил, то ли сознание потерял, валялся, не шевелясь. Сопел, ф-ф-ф, как гадюка в жару.

Яблоню я срубил, вытащил на асфальт и принялся разделять на дрова. Получилось, в общем-то, много, достаточное количество, на ночь хватит. И хорошо. Яблоня горит с приятным запахом, от него в горле приятно. Но надо было запастись еще на всякий случай. Я оглядел улицу. Улица как улица, не проросла совсем, как и весь этот город. Не пророс. В самом конце дом, он был непохож на все остальные дома здесь, построен из настоящего дерева и обшит настоящим

деревом, издалека видно. Во всяком случае, похоже на настоящее дерево. Но до него далековато, до этого деревянного дома, рыжий может и удрать, пока я до дома буду ковылять...

Ладно, другого топлива все равно нет. Я вложил в арбалет драгоценную стрелу и отправился с топориком к этому дому. Оглядывался через каждые десять шагов. Рыжий валялся на столбе. Тоже мне, столбовой, лежит пухтит...

Добрался. Постучал зачем-то в дверь, дурак какой... Не открыли. И я открывать не стал, открою, а там какой-нибудь стегозавр гребенчатый стоит, смотрит, если верить книжкам, такое случалось...

Что-то я раздумался, слишком уж раздумался, нельзя так, пожалуй, слишком много двигать головой тоже не очень надо, особенно в полевых условиях, потому что мозг – самый энергоемкий орган во всем человеке – чем сильнее думаешь, тем больше устаешь, кровь к мозгу литрами просто приливает. А от мышц соответственно отливает. А сейчас мне мышцы нужны.

Поэтому я перехватил топорик посильнее и отколол от косяка толстую доску. Расщепил ее пополам, затем еще пополам, получилось четыре пластины, я разрубил их на части. Отлупил от косяка другую доску, нащепал полешек. Оглянулся. Рыжий сидел на столбе.

Я принялся крушить дом. Крушил его страстно, бешено, злобно, отламывая куски, запасаясь дровами, никакой стего-

завр не выскочил, сдох давно от скуки...

Когда солнце совсем спылилось за горизонт, у меня была уже целая маленькая поленница, я переправил ее к столбу и стал собираться к ночи. Хорошо было бы устроить рогатки, однако не было ни длинных палок, ни сколько-нибудь пригодных для устройства заграждений древесин. Поэтому я поступил наоборот – запас гору дров и расчистил вокруг нее пустынное пространство, мертвую зону. И тут мне пришла идея – обложить столб дровами и просто эту сволочь вонючую поджарить... но я почти сразу от этой мысли отказался – столб железный и толстый, мне его два дня разогревать придется, и дров понадобится неизвестно сколько. Придется как-нибудь по-другому.

Лагерь был готов. Да и какой там лагерь, вещей у меня всего ничего. Рюкзак. И все.

Рюкзак пропах кровью – она вытекала из головы Волка. И хотя большая часть попала в пластиковый пакет, все равно много осталось. Это плохо было, хищники к крови чувствительны на редкость. Вполне, может быть, придется отбиваться...

Я слил кровь, а голову Волка положил на асфальт – пусть немного подвялится.

Глаза Волка не были закрыты и продолжали смотреть на меня, посверкивая в темноте живым красноватым блеском. Это меня как-то успокаивало, что ли. Я вытащил из рюкзака одеяло, устроился возле костерка, достал книжку. Почти-

тать перед сном – что может быть лучше? Почитаю, вспомню дом... «Комментарии к конституционному праву», нашел на прошлой неделе и прочитал уже на две трети. Ничего особо интересного в этой книжке не было, и все повторялось одно и то же, будто сочинял ее какой-нибудь умственно отсталый писатель. Хотя ее не писатели сочиняли, а юристы, люди, которые разбираются в законах. Законы – это такие порядки. Раньше, когда были люди, везде был порядок, тогда дикие по столбам не лазили. Да вообще тогда диких не было. Или были, но мало совсем. И в джунглях, а не везде...

Хорошо было.

Я вздохнул, открыл книгу на загнутой странице и стал читать.

«Комментарии к конституционному праву» были поразительно скучной книгой. А я еще давно заметил – чем книжка скучней и неинтересней, тем ее неохотнее поедают. Хорошие и веселые книжки, напротив, съедаются просто и быстро, ам – и нету, микробы как будто знают, что есть. Может, у них мозгов и нет, зато есть природное чутье ко всякому вкусному...

Да, «Комментарии» были скучнейшей книгой, но некоторые преимущества у нее все-таки имелись. Там было много новых слов, а человек должен знать много слов, он должен уметь их использовать. И еще по каким-то непонятным мне причинам «Комментарии» начисто отбивали всякий сон. Обычно наоборот – скучные книжки сон вызывают,

но с этой было не так что-то. Я начинал ее читать, как-то странно возбуждался и потом как ни старался уснуть уже не мог до самого утра, в голове так и вертелись все эти «парламентаризмы», «федерализмы» и «права иностранных граждан». Много разных слов непонятных, я пытался понять их значение и от этого как-то взбадривался.

Так что для подкарауливания дикого на столбе «Комментарии» подходили как нельзя лучше. И ночь прошла, в общем-то, неплохо. Лежал я с комфортом. Одеяло у меня мягкое, под голову я подоткнул рюкзак, под правую руку дрова – чтобы подбрасывать в костер, слева на меня успокаивающе смотрела голова Волка, рядом – настороженный арбалет, ну и огнестрел заряженный тоже. Кроме этого, я запасся самодельными факелами, чтобы в случае чего отбиваться от зверей.

Когда стемнело до метра, совсем уже окончательно, во круг, как у нас полагается, завыли. На много голосов. Я лежал, пытаюсь вникнуть в основные принципы конституционного права, конечно же, не вникал, но каждый голос, звучащий в сползающей ко мне тьме, я определить мог. Шакал, пантера, волки, случайный заяц, которого то ли задрали по ошибке, то ли который сам кого-то задрал, тысяча ночных звуков, они окружили меня, едва опустилось солнце. Эти звуки были знакомы и привычны, они не удивили меня, зверье, которого было повсюду много, тысячи, зверье разговаривало.

А я читал. Спать все равно не придется – на открытых местах все-таки лучше не спать, легко не проснуться. Или проснешься в животе какого-нибудь медведя...

Глубокой ночью завелся рыжий. Завыл тоже. Ни с того ни с сего. То ли по братикам своим загоревал, то ли по дедушке, то ли по доле своей незавидной, то ли блоха его укусила. Заголосил, как баба из какого-нибудь там Лукоморья, я читал про это в книгах. Я даже хотел выстрелить в эту гадину из огнестрела, но патрона пожалел.

Рыжий выл мерзко, у меня даже настроение пропало читать. Так что вторую, самую тоскливую часть ночи я провел беспокойно. Когда на востоке стало потихоньку светлеть, среди домов зарывало что-то уж совсем жестокое, я раньше никогда такого не слышал, даже вскочил. Думал, лигр, но лигр не рявкает...

Да мало ли у нас чего может быть? Все у нас может быть, все, что захочешь.

Глава 6

Старт

Последний день работы. Вернее, полдня. Можно было бы уже и отдых устроить, но все равно на работу погнали, у нас начальство твердокаменных принципов.

Работал. Работать не хотелось. Но все равно я старался. Боялся в последний момент все испортить. Проявлял рвение, даже норму перевыполнил. День прошел никак, ничего интересного, все по плану. Драга врезалась клином в мягкую породу, порода падала на конвейер, отправлялась в дробилку, затем в сепаратор. Моя задача проста – раз в старый час выскакивай наружу и откидывай лопатой крупные камни из дренажных канав. Ну а в промежутках смотри, чтобы драга от горизонтов не отклонялась.

Я остановил машину за час до обеда, проверил, как идет отгрузка. Конвейер работал, все было в порядке, порода текла по ленте на обогатительную фабрику, база пополняла запасы гелия.

Спустился вниз, прошел дегазацию и дезактивацию, разделся, повторил дезактивацию, вымылся, проследовал в зал для собраний. Там уже было много народа, наверное, человек пятьдесят. Все участники рейда. Молодых много, больше половины. Старые специалисты выбывают, новые подрас-

тают...

Сначала мы, новые специалисты, выслушали лекцию. Все, как обычно. Я был на инструктаже перед предыдущим рейдом, отец тогда меня позвал с воспитательными целями. В этот раз говорили точно то же, что и в прошлый.

Цели полета. Цели групп. Техника безопасности. Оглашение списка запрещенных вещей.

Потом нас поделили. Я попал в семнадцатую. Группу Хитча.

Самого Хитча я знал, мы с ним уже года три работаем, он наладчик, когда у нас пробивает гидравлическую систему, он приходит, ругается и все починяет. А в рейдах он молодец...

Еще одного парня звали Джи, про него я даже не мог ничего сказать толком. Я его видел пару раз, но знаком не был, он из четырнадцатого сектора, и ногти у него фиолетового цвета, наверное, он много работал на поверхности. У всех, кто работает на поверхности, ногти синеют. А глаза золотеют до оранжевого.

Третьим был Бугер, отец сдержал обещание.

На Джи болталась вязаная жилетка, на Хитче свитер, почти такой же, как у меня, он мне не брат, а свитер одинаковый. Наверное, свитеры все одинаковые.

Ну, кроме свитера Бугера. Этот отличился. На груди зеленый кактус, на спине буква «А» красного цвета. И то и другое явно что-то символизировало, однако понять что я даже не пытался, Бугер увлекался всякими тайнами, скрыты-

ми знаниями и другой полулегальной экзотикой. Интересно, кто это Бугеру такой диковинный свитер связал? Наверное, мать, она у него тоже какая-то с осложнениями, на пол-лица маска, а что под маской – неизвестно, скорее всего, уродство. Ничего, конечно, необычного, но все равно человек без уродства лучше, чем с уродством.

Зато вяжет хорошо.

Собрание продолжалось долго. Инженеры, командоры, руководители экспедиций и другое начальство рейда зачитывало бесконечные нудные инструкции и говорило о какой-то ерунде, отец мой тоже был среди этих начальников, тоже зачитывал со значительным видом разную чушь и рассказывал давно известные анекдоты, имевшие место во время предыдущих рейдов.

И края этому всему видно не было, так что я едва не уснул даже.

Зато в самом конце нам раздали витаминные капсулы, их надо было разжевывать вместе с пищевыми. Витамины в рейде нужны. А главное – в витаминных капсулах быстрый кальций. Если не принимать кальций – кости поломаются, такое уже случалось.

После капсул нас распустили до вечера, свободное время, делай что хочешь. Многие отправились по клубам на коротенькие вечеринки, а мне на танцы идти не хотелось, и я отправился к себе в бокс, посидеть в тишине.

Конечно же, не получилось. Едва я прилег на койку и за-

крыл глаза, как в дверь позвонили.

Эн, это она была. Вся серьезная, сосредоточенная и знающая – с порога стала сыпать советами. Как обыскивать дома и на какие обращать особое внимание. Как держать ноги в тепле с помощью особого точечного массажа. Как правильно дышать первое время. Как...

Она вывалила на меня тысячу советов, и я почти ничего не запомнил. Она говорила и говорила про рейд и только про рейд, не знаю, но мне показалось, что Эн не очень интересовалась моей персоной, показалось мне, что ее занимает обещанный мною замороженный котенок. Нет, она про него ни разу не упомянула, но и в глаза смотреть не отваживалась, болтала о разной ерунде.

Потом Эн замолчала, присела ко мне на койку, чмокнула в щеку, вскочила и убежала.

И почти сразу заглянула мать. И вела разговоры на тему «Как хорошо мы будем жить дальше», и «Я уже давно хочу нянчить внуков», и что «Пора тебе определиться»...

Не знаю, кто занудливее – мать или Эн? Обе занудливее. Женщины. Похожи. И после «пора тебе определиться» мать тоже приступила к советам. К точно таким же. И, как всегда, стала совать мне капсулы. Капсулы нельзя долго хранить, два дня от силы, поэтому у матери сэкономлено немного. Сама, значит, она глотает по две, а мне выдает четыре – за вчера две и за сегодня. И самое плохое – отказаться нельзя.

Расплатится. Она ведь на самом деле волнуется. Хотя отец

уже двенадцать раз ходил в рейд, она все равно переживает. Пришлось мне ее успокаивать, говорить, что переживать совершенно не из-за чего. Корабль надежен. Переход ерундовый, что такое девяносто миллионов для такого крейсера, как наш? Его строили для разведки внешних рубежей, девяносто миллионов для него пустяк, на один глаз.

Сама планета... Планета, конечно, небезопасна. Но если сравнивать, допустим, с Постоянной Экспедицией, то планета – милейшее место. Спокойное, тихое, чистое. Да мать и так все знает. У нас все знают про планету. Там хорошо. Но мать все равно не переубедить. Она теребила меня и теребила: будь осторожен, почаще смотри под ноги, почаще оглядывайся... И под конец чуть не заплакала, хорошо, что пришел отец и сказал, что все.

Пора.

Мать убежала. Отец посидел немного, я думал, что и он сейчас пустится мне мыть мозги, но он не стал. Крякнул неопределенно, топнул каблуком по полу, высек искру, затем мы стали натягивать комбинезоны.

У нас отличные комбинезоны, универсальные. Держат вакуум, температуру, предусмотрены амортизационные карманы – гасить скручивания. Потом, перед высадкой на планету, комбинезоны снабдят экзоскелетами, пока же мы влезаем в них без посторонней помощи. Вообще, комбинезоны в рейде почти не снимают, почти весь день в них живут, спят. Комбинезон и маска. Маска это тоже не просто резина – это

целый комплекс. Подогрев есть, стекла... это, собственно, даже не стекла, а особая сверхвязкая смола, ее невозможно разбить, разрезать, расплавить, в обычных, разумеется, условиях, микрокомпьютер. А еще есть перчатки, спецботинки, Знак...

Знак, кстати, каждый должен сделать сам, нельзя ни матери, ни подружке доверить, я почти целых восемь месяцев маялся, вышивая его на спине. Получилось неплохо, даже хорошо, мне потом потихоньку многие предлагали, чтобы я им тоже вышил. Иногда я соглашался, ну, так за пару капсул. Вообще, в этом вышивании есть смысл. Эмблема на драге изнашивается быстро, приходится часто переделывать, наверное, раз в четыре наших, не планетарных, года, потом так шить научаешься, что можешь себе сам даже одежду готовить. Это и полезно, и выгодно.

Я облачился в комбинезон, затем вспомнил про мамкин свитер, пришлось мне снова раздеваться, обряжаться в свитер и снова влезать в комбинезон. Отец терпеливо ждал.

Я оделся. И снова отец не сказал ничего, мы немного посидели, затем направились к танкам. В коридорах не было никого, в день отправления в рейд всем лишним в коридор выходить запрещено. Непривычно и странно, наши шаги гремели по железному полу, и мне казалось, что на всей базе только мы с отцом. И больше никого.

Танки ждали в ангаре. Стояли неровными рядами, жужжали. Людей не видно. Я отыскал семнадцатый номер, он

был нарисован на борту белой краской, довольно неровно нарисован, без души.

Мой танк.

– Удачного рейда, – сказал отец, подтолкнул меня к машине и ушел.

Так просто.

Моя группа уже ждала внутри. Хитч сидел за штурвалом, остальные лежали на койках. Я занял свое место, Хитч велел пристегнуться, и едва я замкнул ремни, рванул к кораблю.

До корабля далеко. Корабль хранится в кратере, переоборудованном под стартовый стол, кратер глубокий, похожий на воронку, а крейсер на самом дне, в тени и прохладе. Спускаться вниз надо по спирали, долго и осторожно. Зато корабль в безопасности. Ни корона по-настоящему лизнуть не может, ни метеорит ударить. И от базы приличное расстояние, если корабль взорвется при старте или при посадке, поселение не пострадает. Но добираться трудно, мы ехали почти тридцать четыре часа, каждые восемь часов менялись. Я был третьим и не видел корабля, но я знаю, что он похож на скалу. Огромная острая пирамида с узкими гранями, так удобнее проходить сквозь атмосферу.

Непосредственно к кораблю рулил опять Хитч. Молчал. И мы молчали. Еще толком не познакомились. И трясло. Сильно так, при такой тряске особо разговаривать не хочется.

Потом танк загрохотал по железу, и я понял, что мы въехали в трюм корабля. Хитч долго пристраивал танк в замки,

проверял надежность креплений, прыгал на зажимах, бормотал, затем постучал по броне, и мы выбрались.

Я успел оценить размеры трюма, я никогда не видел таких, потолок, правда, низкий, но вширь... Ангар был огромен. Я попробовал представить, каких тогда размеров сам корабль... Это можно увидеть только на планете. Говорят, он поразительный. Самое великое зрелище – корабль, лучшее, что создал человек, корабль подчеркивает силу человеческого духа и разума. Да даже один этот ангар подчеркивает силу человеческого разума...

Хитч потрогал меня за руку, я очнулся.

К нам подошел один из пилотов, выслушал чеканное доносение Хитча, проверил комбинезоны, остался доволен, проводил нас до кубрика. Дверь закрыл.

Хитч велел ложиться, мы разобрались по койкам и стали ждать.

Мы пролежали восемь часов в тишине, а потом через интерком сказали, что мы уже на орбите. Все это меня очень разочаровало. Я думал, что рейд начнется как-нибудь по-другому. Масштабнее. С громом, тряской, стиснутыми зубами. А все было буднично, очень буднично, проще простого, проще, чем драгу завести.

– Так всегда делается, – с бывалым видом заявил Хитч.

– Зачем? – спросил Джи.

– Затем, чтобы всякие идиоты не настраивались на героизм, – ответил Хитч. – Все должно быть обычно и даже скуч-

но, а то всякие едва прилетают на планету, так сразу начинают. Активность проявлять! А другим потом расхлебывать приходится... И вообще, всем спать.

– Но... – попытался было возразить Бугер.

– Спать! – велел Хитч.

Мы стали спать.

Я был разочарован еще сильнее.

Проснулся от голоса. Мой новый начальник Хитч рассказывал:

– Мы стояли на планете, и у нас было полно всего. Воды столько, сколько нужно каждому. Нужно тебе воды двести литров – пожалуйста. А нужно тысячу – получай. И воды полно, и еды. Можно идти куда хочешь, можно путешествовать где хочешь. Вы знаете, что такое путешествовать? Не знаете. А это вот что. Сесть в лодку, спустить лодку на воду и плыть по воде куда увидится. Целый месяц плыть – и вокруг все равно одна вода! Или сесть на самолет – и лететь! Самолеты умели висеть в воздухе и летали очень быстро, за один день на самолете можно было облететь вокруг земного шара. И всего было полным-полно у нас. Но нашлись люди, которым хотелось еще. Ученые. Они любили все узнавать, любили открывать новое, придумывать разное. И вот на самом юге планеты эти люди стали бурить во льду скважины, ну, вроде тех, какие бурит наш Бурито, только гораздо глубже. На самом юге было очень холодно, там скапливались целые километры льда...

Хитч замолк. Километры замороженной пресной воды даже ему трудно представить. Я вот не могу. Водопад еще могу, но километр льда... Представляешь себя – как ты стоишь, маленький, возле огромной, теряющейся где-то в невероятной высоте отвесной белой стены...

Хитч потряс головой и продолжил.

– Километры льда, а под этим озером было найдено озеро с древней водой, которая существовала еще тогда, когда на планете не водились люди. И ученым очень хотелось поглядеть, что есть в этой воде. И однажды они добрались до этой воды. В ней спали древние микробы. А так как у всего населения уже не было против них иммунитета, то эти микробы быстренько всех перебили. На всей планете. Зараза была настолько мощной, что охватила всю Солнечную систему. Базы, которые стояли на других планетах и лунах, были уничтожены. Даже база на Европе, спрятанная в глубине льдов, и то оказалась заражена. Только Меркурий остался. На Меркурии были гелиевые копи, шахты и соляная станция, небольшой подземный поселок и филиал Института Солнца. Когда на планете началась эпидемия, все жители Меркурия собрались на сходку и ввели режим изоляции. Меркурианская база объявила, что будет сбивать все приближающиеся корабли. Так мы все и спаслись. И стали жить в шахтных выработках...

Хитч рассказывал не так, как положено рассказывать, а со своими переделками. Он вообще любитель вольностей. Ему

это прощают – он парень талантливый, у него чутье особое. Ну, например, ему говорят: надо найти спирт – и он находит спирт. Ему говорят: надо найти компьютеры – и он находит компьютеры. Как-то объяснить это не могут, но талант сам по себе весьма ценный. Поэтому и Хитч на особом положении.

– Связь с Землей и остальными колониями скоро прекратилась. По последним полученным данным, эпидемия уничтожила все население планеты...

– Все-все? – спросил Бугер.

– Бугер, ты идиот, – спокойно сказал Хитч. – Конечно, все. Никого не осталось, только животные.

– А почему животные не умерли? – продолжал приставать Бугер, ему нравилось злить Хитча.

– Потому, – ответил Хитч. – Потому, что животные этим вирусом не заражались, только люди.

– А вдруг он еще там? – Бугер указал на палубу. – Может, вирус еще на планете?

– Нет там никакого вируса, – строго и отдельно произнес Хитч. – Никакого вируса нет. Было уже много рейдов, и ни один из них не нашел никакого вируса. Он мутировал и вымер, это доказано. На планете безопасно...

Хитч выдержал паузу.

– Безопасно...

Так что сразу стало ясно, что лично он, Хитч, очень сомневается в том, что на планете безопасно. Даже больше – у

него есть неопровержимые сведения, что это не так.

– Вируса на планете нет, – повторил Хитч. – И не надо за-
тевать глупых споров. И вообще, Бугер, не мешай мне про-
водить просветительскую работу. А то после рейда я тебя за-
конопачу в Экспедицию на пару месяцев. За нарушение суб-
ординации. Уяснил?

– Уяснил.

– Тогда я продолжаю. Прошло много лет, и люди на Мер-
курии решили навестить планету, чтобы посмотреть, как там
да что. А вдруг все наладилось? Вдруг эпидемия ушла? Мер-
курианская база имела два больших системных корабля, и
один исследовательский катер, который, впрочем, тоже мог
ходить между планетами. Была снаряжена экспедиция во
главе с командором флота, навигатором Алексом У. Дождав-
шись, когда Меркурий и планета сблизилась на минималь-
ное расстояние, катер «Гея» ушел с орбиты и успешно уско-
рился. Что произошло дальше, неизвестно, по всем понят-
ным причинам – электромагнитное поле, солнечный ветер
и т. д., связи с Меркурием быть не может. Есть три предпо-
ложения. Первое. «Гея» не сумела затормозить и проскочи-
ла мимо планеты в открытый космос. Второе. «Гея» погиб-
ла при посадке или, напротив, при старте. Третье. Коман-
дор Алекс У успешно посадил корабль, однако эпидемия не
свернулась, как полагали раньше, а вполне себе спокойнень-
ко продолжалась. И экипаж «Геи» благополучно погиб от
скоротечного рака. Так или иначе, выяснить, что произошло

с планетой, в ближайшее время возможным не представлялось. Было решено наложить на планету карантин. К тому же идти было все равно не на чем, рисковать большими кораблями опасались. И сто лет планету никто не видел...

– А почему ее не нашли во время предыдущих рейдов? – спросил Джи.

– Кого?

– Ну, этот катер, «Гею»?

– Ты что, Джипер, меня не слушаешь? – нахмурился Хитч. – Я же говорил – «Гея» могла улететь в космос. Вот и не нашли. Или она могла упасть в океан – и тогда ее тоже не нашли. Все просто. Да даже если корабль разбился на суше – его не найти. Ты представь только, какие там просторы! Это все равно что выкинуть гайку над Темной долиной и потом ее искать. И то проще было бы. Так что Алекса Умы не найдем никогда! И вообще, у рейдеров других забот полно... Джипер, ты меня сбил. Ты что, не можешь просто послушать своего начальника?

– Могу...

– Вот и моги. А я пока расскажу про первые рейды. И вообще, слушайте все, никому не спать!

И Хитч рассказывал дальше, но дальше я его не слушал. Да я мог бы и с начала истории его не слушать. Потому что историю эту я знаю наизусть. Более того, я к этой истории имею самое что ни на есть прямое отношение. Ну, во всяком случае, в какой-то мере. Алекс У – мой родственник. Пра-

пра ну и еще несколько раз прадедушка. У меня в семейном альбоме есть его фотография. И его, и всей команды «Геи». Такие здоровенные дядьки в антиперегрузочных костюмах, мужественные, суровые лица. И если уж на то пошло, то я и сам...

– А вдруг там все-таки есть люди? – снова спросил Джи.

– Нет, – ответил Хитч с авторитетом опытного космопроходца. – Там нет людей.

Мы сидим в кубрике. То есть лежим. Выходить нельзя. Каждая группа – четыре человека – в своем кубрике. На койках. Кроме коек, есть малюсенькая туалетная, и все. Кран с водой. Под потолком интерком.

Дверь есть, но она закрыта. За ней узенький коридор, он тянется до кают-компании и рубки. Но выйти мы не можем. Считается, что группы не должны общаться во время рейда. Чтобы не передаться еще до высадки. Наверное, оно правильно – мне все время хочется передаться, Хитч постоянно что-то рассказывает, от его голоса у меня настроение только ухудшается. Все-таки я привык жить в одиночку, я тут почти в таком же объеме пространства еще с тремя.

И Хитч все время болтает.

– Самое-самое – это вода, – болтает Хитч. – Можно найти ванну...

– Чего? – не понимает Джи.

– Ванну. Это большой сосуд, его можно заполнить водой и в нем лежать.

– Зачем? – не понимает Джи. – Зачем лежать в воде?

– Затем, дубина, – отвечает Хитч. – Это лучшее. Горячая вода – целая ванна горячей воды.

– Это глупо – лежать в воде... – сомневается Джи.

– Там целая планета воды. Целая планета воды, целая планета дерева...

Хитч рассказывает, чего еще полно на планете. А потом показывает всем кусок зеленого камня, нанизанный на цепочку.

– Это изумруд, – сообщает Хитч.

– Зачем он? – спрашивает Локк.

– Зачем... Это койка зачем, это кружка зачем, это ты зачем, а изумруд просто так. В этом его высшая ценность – он просто так.

Хитч вешает изумруд на шею, оглядывает нас с превосходством.

– К тому же это отличный слюногон, – говорит Хитч. – Изумруд способствует выделению слюны лучше, чем все пуговицы, а это очень полезно в наших условиях. Суешь изумруд в рот, слюна выделяется в два раза сильнее, гидробаланс остается положительным. То есть ты не сохнешь.

Хитч засунул изумруд в свою пасть и принялся чмокать, выделять слюну.

– А есть рубины, – рассказывает Хитч. – Некоторым везет, и они находят рубины, они еще большие слюногоны. Или даже алмазы...

Я засыпаю. Под воспаленные рассказы Хитча. Уже в очередной раз за длинный-предлинный день. Мне снится вода. Ее много, почти до горизонта...

– Просыпайся! – дергает меня Хитч. – Скоро пойдем в рубку.

– Зачем?

– Затем, чтобы увидеть мир. Ты же хочешь увидеть мир?

Я хочу. Очень хочу, никогда не видел мира...

Мир я увидел. Через очки. Вернее, через светофильтры.

Крейсер висел на орбите. Разворачивал антенны, сканеры и телескопы, проверял готовность, перепроверял состояние обшивки, и, пока корабль готовился к переходу, нам разрешили посмотреть. Каждая четверка получила по полчаса. В рубке были экраны, во всю стену, как и рассказывали. Справа висело Солнце. Отсюда оно выглядело гораздо ярче и злобнее, а корона сияла просто невыносимо, даже через очки и фильтры.

Мир был прямо под нами. Только разглядеть все равно ничего не получилось – на фоне Солнца мир выглядел черным блином. Чернота, и все, даже страшно. Я лично долго смотреть не стал, от всего этого черно-золотого сияния заболела голова, и я вернулся в кубрик. Я хотел поговорить с отцом, но в рубке его не оказалось.

Больше в этот день ничего интересного не произошло. Мы приняли по пять капсул – во время рейда полагается усиленное питание – и легли спать. И я снова хорошо уснул, как

всегда. Я всегда хорошо сплю. Да и шторы здесь, в кубрике, отличные, опустишь – и тихо. Тихо, уютно, прохладно, только музыка в ушах играет, вернее, шорох дождя. Это так полагается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.